

**НА ХВОСТЕ У ЛЕВИАФАНА:
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
БЮРОКРАТИИ И БЮРОКРАТОВ**

Александра Леонидовна Захарова

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
azakharova@eu.spb.ru

Александра Александровна Мартыненко

Институт лингвистических исследований РАН
9 Тучков пер., Санкт-Петербург, Россия
amartynenko@eu.spb.ru

А н н о т а ц и я : Статья предваряет подборку, написанную по итогам семинара по антропологии бюрократии в современной России. Предлагается краткая историография исследований бюрократии и бюрократических систем, преимущественно выстроенных в полемике с моделью «идеальной» бюрократии Макса Вебера. Рассмотрено несколько наиболее значимых работ, предваривших возникновение интереса социальных ученых к исследованию бюрократии в политологии и социологии, которые объединяет метод включенного наблюдения. Уделено внимание трудностям при определении антропологии бюрократии как самостоятельного направления, которое, с одной стороны, является частью политической антропологии, а с другой — может тяготеть к социальным исследованиям профессий. Авторы предлагают понимать антропологию бюрократии прежде всего как определенным образом настроенную оптику, фокусирующуюся на том, как реализуется управление, воспроизводится и ощущается «государство» внутри бюрократических институтов. Выделяется несколько популярных направлений в области социальных исследований бюрократии: критические работы, анализирующие в первую очередь структурное насилие бюрократов над гражданами посредством классификаций клиентов, бюрократического произвола и др.; работы, фокусирующиеся на моральном и аффективном аспекте бюрократии, включающем моральные дилеммы сотрудников организаций и их чувства при выполнении своей работы; исследования, посвященные материальному миру бюрократии, где документы становятся важными участниками социального взаимодействия; исследования опыта взаимодействия с бюрократией. Кроме того, делается обзор исследований (преимущественно) низовой российской бюрократии, выполненных с применением антропологических методов в границах разных дисциплин.

К л ю ч е в ы е с л о в а : политическая антропология, антропология бюрократии, «уличная бюрократия», чиновники.

Д л я с с ы л о к : Захарова А., Мартыненко А. На хвосте у Левиафана: антропологические исследования бюрократии и бюрократов // Антропологический форум. 2023. № 59. С. 11–47.

doi : 10.31250/1815-8870-2023-19-59-11-47

U R L : http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/059/zakharova_martynenko.pdf

**ON LEVIATHAN'S TAIL: ANTHROPOLOGICAL STUDIES
OF BUREAUCRACY AND BUREAUCRATS**

Aleksandra Zakharova

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
azakharova@eu.spb.ru

Alexandra Martynenko

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov Lane, St Petersburg, Russia
amartynenko@eu.spb.ru

A b s t r a c t : This article precedes a selection of papers written as a result of the seminar on the anthropology of bureaucracy in modern Russia. The text offers a brief overview of the development of research into bureaucracy, where studies are mainly made in a polemic with Max Weber's model of the "ideal" bureaucracy. It considers the most significant works that preceded the emergence of an interest in bureaucracy on the part of social scientists, written in the fields of political science and sociology and united by the method of participant observation. The authors pay attention to the difficulties in distinguishing the anthropology of bureaucracy as an independent field, which, on the one hand, is integrated into political anthropology and on the other hand, tends towards the social studies of professions. The article suggests understanding the anthropology of bureaucracy primarily as a certain viewpoint focusing on how management is implemented and how the "state" is reproduced and felt within bureaucratic institutions. The authors distinguish several popular areas

in the field of social research into bureaucracy: critical works analyzing primarily the structural violence of bureaucrats against citizens through client classifications, bureaucratic arbitrariness, etc.; works that focus on the moral and affective aspect of bureaucracy, including the moral dilemmas of employees and their feelings; works devoted to the material world of bureaucracy, where documents become important participants in social interaction; research on the experience of interaction with bureaucracy as a client. In addition, the article provides an overview of existing studies (mainly) of the street-level Russian bureaucracy, performed using anthropological methods within the boundaries of different disciplines.

Keywords: political anthropology, anthropology of bureaucracy, “street bureaucracy”, officials.

To cite: Zakharova A., Martynenko A., ‘Na khvoste u Leviafana: antropologicheskie issledovaniya byurokratii i byurokratov’ [On Leviathan’s Tail: Anthropological Studies of Bureaucracy and Bureaucrats], *Antropologicheskij forum*, 2023, no. 59, pp. 11–47.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-59-11-47

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/059/zakharova_martynenko.pdf

Александра Захарова, Александра Мартыненко

На хвосте у Левиафана: антропологические исследования бюрократии и бюрократов

Статья предваряет подборку, написанную по итогам семинара по антропологии бюрократии в современной России. Предлагается краткая историография исследований бюрократии и бюрократических систем, преимущественно выстроенных в полемике с моделью «идеальной» бюрократии Макса Вебера. Рассмотрено несколько наиболее значимых работ, предваривших возникновение интереса социальных ученых к исследованию бюрократии в политологии и социологии, которые объединяет метод включенного наблюдения. Уделено внимание трудностям при определении антропологии бюрократии как самостоятельного направления, которое, с одной стороны, является частью политической антропологии, а с другой — может тяготеть к социальным исследованиям профессий. Авторы предлагают понимать антропологию бюрократии прежде всего как определенным образом настроенную оптику, фокусирующуюся на том, как реализуется управление, воспроизводится и ощущается «государство» внутри бюрократических институтов. Выделяется несколько популярных направлений в области социальных исследований бюрократии: критические работы, анализирующие в первую очередь структурное насилие бюрократов над гражданами посредством классификаций клиентов, бюрократического произвола и др.; работы, фокусирующиеся на моральном и аффективном аспекте бюрократии, включающем моральные дилеммы сотрудников организаций и их чувства при выполнении своей работы; исследования, посвященные материальному миру бюрократии, где документы становятся важными участниками социального взаимодействия; исследования опыта взаимодействия с бюрократией. Кроме того, делается обзор исследований (преимущественно) низовой российской бюрократии, выполненных с применением антропологических методов в границах разных дисциплин.

Ключевые слова: политическая антропология, антропология бюрократии, «уличная бюрократия», чиновники.

Бюрократия — ненавидимая и желаемая

Обыденные представления о бюрократии отсылают к образу странно устроенной государственной машины — наполненной бессмысленными требованиями, изматывающей очередями и заваливающей человека бумагами под ритмичный стук печатей. Бюрократия ассоциируется с кафкианской абсурдностью и кажущейся дисфункциональностью, где бюрократ с ощущением собственной значимости, как в фильме Сергея Эйзенштейна и Григория Александрова «Генеральная линия», выводит на листах неизменно длинную подпись. При этом навык общения с бюрократами входит в обязательный набор практик выживания в государстве, когда, как в текстовой компьютерной игре «Vingaustrasy» (1987), чтобы преодолеть длинную череду бюрократических препятствий, необходимо верно реконструировать грамматику языка бюрократии, при этом не допустив смертельного повышения кровяного давления.

Александра Леонидовна Захарова

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
azakharova@eu.spb.ru

Александра Александровна Мартыненко

Институт лингвистических
исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
amartynenko@eu.spb.ru

Как отмечает норвежский политолог Йохан Олсен, бюрократию принято критиковать по двум взаимоисключающим причинам — за ее обезличивающую бюрократизацию и, напротив, за недостаточность этой обезличенности [Olsen 2006: 5–6]. С одной стороны, центральная для «идеальной бюрократии» идея строгой приверженности правилам и равнодушия к индивидуальным обстоятельствам может вступать в противоречие с общими этическими принципами, казаться жестокой и иррациональной. По словам Дэвида Гребера, когда бюрократические процедуры игнорируют «тонкости реальной социальной жизни», у граждан создается ощущение, «что они имеют дело с людьми, по какой-то произвольной причине решившими надеть очки, в которых видят только два процента того, что находится у них перед глазами» [Гребер 2016: 71]. С другой стороны, поводом для критики бюрократии становится и то, что государственные служащие произвольно трактуют законы, нарушают регламентированные документами правила и позволяют влиять на рабочий процесс личным связям и интересам. «Кумовство», «блат» и «коррупция» становятся неизменными темами разговоров о противоположном первому недостатку бюрократии, а именно недостаточной бюрократизации.

Подобная критика обусловлена в том числе отождествлением бюрократии и государства, которое, по выражению Вадима Волкова, получает в свой адрес проклятия, вызванные одновременным пониманием его насильственной природы и осознанием его необходимости [Волков 2018: 12]. Тем не менее, как замечает Тесс Ли, любая критика содержит в себе тайное желание «правильной» бюрократии, надежду на то, что она может быть улучшена [Lea 2021: 69]. Уязвимость и одновременно с этим соблазнительность бюрократии резонируют с ее двойственной природой: «Бюрократия высасывает душу, при этом бюрократия — этика в действии. Бюрократия стоит на пути свободы, она же служит страховкой этой свободы. Бюрократия — это смертельная угроза с дубинкой за спиной, она же — верховенство закона. Она получила развитие при неолиберализме, она же — лучшая защита от его хищничества» [Ibid.: 61].

Амбивалентная по своей природе бюрократия становится предметом исследований ученых из разных областей социального знания. При этом в сравнении с социологией и политическими исследованиями интерес к бюрократии в антропологии, как кажется, не настолько высок¹ или, точнее, не был таковым

¹ Как замечают Ахил Гупта и его соавторы, несмотря на то что работавшие в сельской Индии антропологи всегда знали об учителях местных школ, медицинских работниках, агентах по развитию общин, хранителях земельных записей и других правительственных агентах, эти люди часто

до недавнего времени. Этот факт обусловлен, по всей видимости, «традиционным разделением труда в социальных науках», которое «оставляло изучение формальных организаций социологам, политологам и экономистам, в то время как антропологи концентрировались на не-модерных малых обществах, которые, как считалось, функционировали без официальных организаций или независимо от них» [Hull 2012b: 12]. Однако говорить об антропологии бюрократии изолированно, соблюдая неприкосновенность дисциплинарных границ, едва ли возможно. Большое количество работ о бюрократии, написанных не-антропологами, основываются на материалах включенного наблюдения. В этом смысле антропология бюрократии продолжает традицию социальных исследований бюрократов, которые проводились в рамках разных дисциплин, использовавших антропологические методы. Это не столько подраздел антропологии, сколько особая (и вполне «междисциплинарная») исследовательская перспектива, позволяющая ученым посмотреть на (государственное) управление глазами тех, кто находится по ту сторону бюро, воплощая в себе государство.

Краткая предыстория антропологии бюрократии

Отправной точкой социальных исследований бюрократии служит теория рациональной бюрократии Макса Вебера, элементы которой были опубликованы в посмертном издании его работы «Хозяйство и общество», вышедшем в 1921–1922 гг. [Вебер 2019]. К базовым характеристикам бюрократизма Вебер относил строгое распределение обязанностей государственных служащих, наличие специального образования, служебную иерархию, опору на письменные документы и различные инструкции, которые четко определяют задачи каждого сотрудника. Веберовский бюрократ (и государственный служащий, и работник коммерческой фирмы¹) предан идее служения «государству», «партии», «церкви» или «предприятию», а личная и служебная сферы его жизни строго разграничены. Подобно винтику большого механизма, бюрократ действует предсказуемо и сообразно рациональным правилам, без гнева и пристрастия [Там же: 404]. «Бюрократический оптимизм» Вебера был основан, по всей видимости, на вере в то, что бюрократы при наличии должного образования и четких инструкций смогут воплотить «наиболее совершенный» тип господства.

«выпадали» из отчетов, так как в «деревенской этнографии» современному государству не было места [Gupta et al. 2015: 585].

¹ Слово «бюрократ» стало отождествляться преимущественно с «государственным служащим» в 1930-е гг. с распространением бюрократических методов управления [Гребер 2016: 15].

В 1946 г. вышел первый англоязычный перевод книги Вебера, что одновременно с ростом бюрократических структур в США подняло волну эмпирических исследований организаций. Их авторы зачастую преследовали при этом прагматические цели: исследователи должны были узнать, как на практике устроен рабочий процесс, чтобы повысить эффективность предприятия. Так, в 1940–1960-х гг. в США появились социальные исследования, основывающиеся на критике веберовской бюрократии как «организации без людей» (см., например: [Stein 1952; Bennis 1959; Kaufman 1960; Blau 1966]). Оспаривая тезис Вебера о беспрекословной рациональности и беспристрастности бюрократов, социологи и политологи предлагали пристальнее посмотреть на то, как именно осуществляется взаимодействие внутри бюрократических структур. Принесшие с собой аналитические инструменты из исследований политических организаций небольших сообществ, антропологи повлияли на распространение этнографических методов и повышенное внимание к определенным темам в исследованиях промышленных организаций [Hull 2012b: 12]. Например, один из главных тезисов работы Питера Блау, ставшей классическим исследованием бюрократии, заключался в том, что «второе лицо» бюрократии, ее неотъемлемая черта — это неформальные отношения между сотрудниками [Blau 1966].

Критика веберовской модели рациональной бюрократии, а также интерес к рабочей повседневности чиновников стали основой нового направления исследований низовой, или, в более близком к оригинальному термину переводе, уличной, бюрократии — *street-level bureaucracy* (см. обзор: [Maynard-Moody, Portillo 2010]). Американские политологи Майкл Липски, Джеффри Проттас и Майкл Браун, ставшие основоположниками этого направления, изучали рабочие будни служащих, находящихся внизу пирамиды государственной власти [Lipsky 1969; 2010 (1980); Prottas 1979; Brown 1981]. Термин «уличные бюрократы» объединял сотрудников полиции, учителей, судей первых инстанций, социальных работников и других государственных и муниципальных служащих, лицом к лицу взаимодействующих с гражданами. Новаторским было утверждение, что уличные бюрократы «делают политику» (*make policy*), а не просто «исполняют» (*implement*) ее [Lipsky 2010: XX]. Согласно основоположникам этой теории, относительная удаленность от надзора вышестоящих инстанций и *дискреция* (т.е. возможность принимать решения самостоятельно — значимое понятие в исследованиях уличной бюрократии) наделяют низовых бюрократов политической властью.

В работах, вышедших после исследований Липски и единомышленников, низовые чиновники предстали людьми, далекими

от образа винтиков большой государственной машины. Ученые стали обращать внимание, что на практике бюрократы сталкиваются с дилеммами и трудностями: нехваткой ресурсов, высоким спросом на услуги, завышенными ожиданиями, противоречивыми инструкциями и правилами и трудно поддающимися оценке результатами своей работы. В фокус исследований их авторы помещали способы адаптации низовых чиновников к особенностям своей позиции, тактики ежедневной борьбы, которую они ведут, чтобы выполнить работу, техники, применяемые для того, чтобы оправдывать свои действия перед самими собой. Установившийся в русле теории уличной бюрократии подход, которому присуще внимание к деталям рабочей повседневности, выборам и чувствам низовых чиновников, оказался важен для дальнейших исследований.

От бюрократии к бюрократам: антропологические исследования

Антропологию бюрократии, как мы уже говорили, едва ли можно полноправно охарактеризовать в качестве самостоятельного раздела антропологических исследований. С одной стороны, сделать это проблематично в силу того, что антропологические по используемым методам исследования бюрократии дисциплинарно могут принадлежать не только антропологии, но и социологии или политическим наукам, что заметно в представленном обзоре, в который вошли работы из разных областей социальной науки. С другой стороны, сама антропология бюрократии не гомогенна, а представляет собой целый спектр направлений исследования, соотносящихся с разными областями знания. Один край этого спектра тяготеет к социальным исследованиям профессий и организаций. Авторы, работающие в этом направлении, опираются на упомянутую теорию уличной бюрократии и фокусируются на тех или иных аспектах рабочей повседневности низовых чиновников. Противоположный край спектра находится в границах политической антропологии и антропологии государства: исследователи анализируют, каким образом функционируют отдельные государственные институты, вписанные в конкретный — политический и социальный — контекст.

Стоит отметить, антропология бюрократии не может быть изолирована от антропологии государства и, шире, политической антропологии — с последней она находится в отношениях «рода» и «вида». В этом отношении будет справедливо поставить вопрос о том, стоит ли объединять такие исследования под лейблом «антропология бюрократии» или имеет смысл последовательно относить их к антропологии государства либо

политической антропологии, не умножая сущности. На наш взгляд, антропология бюрократии — это прежде всего особенным образом настроенная оптика, фокусирующаяся на том, как реализуется управление и как воспроизводится и ощущается «государство» внутри конкретных бюрократических институтов. Заметим, что в исследованиях по антропологии государства последнее часто рассматривается как присутствующее в повседневной жизни граждан вне взаимодействий с бюрократами. В то же время именно исследования в области антропологии бюрократии напоминают, что само «государство» состоит из конкретных людей, о чем так соблазнительно забыть при анализе взаимоотношений граждан и «безличных» государственных структур.

Со времени публикации первых антропологических работ о бюрократах интерес антропологов к повседневности чиновников разных инстанций и к различным механизмам государственного управления, как кажется, не ослабевает. Об этом свидетельствуют не только многочисленные статьи и книги по антропологии бюрократии (даже упомянуть которые в одном тексте представляется невозможным и едва ли нужным), но и появляющиеся в последнее десятилетие обзоры¹ и тематические блоки в журналах². В статье, предваряющей первую подобную подборку работ российских исследователей, мы коснемся лишь основных направлений в антропологических исследованиях бюрократии и некоторых работ, наиболее важных в этом исследовательском поле.

Социальная критика бюрократии

Пожалуй, самые известные широкому кругу читателей академические работы по антропологии бюрократии написаны Дэвидом Гребером. Его «Утопия правил» [Гребер 2016 (2015)] и «Бредовая работа» [Гребер 2021 (2018)] представляют собой левую критику бюрократии как инструмента управления «глупыми и оборачивающимися против самих себя» ситуациями, порожденными структурным насилием [Гребер 2016: 78]. Упрекая бюрократию в равнодушии и обезличенности, Гребер в то же время называет отсутствие необходимости устанавливать личные связи при бюрократических взаимодействиях «тайным обаянием бюрократии». Он вводит важное для разговора о иерар-

¹ См.: [Heyman 2012; Hull 2012a; Mathur 2017; Lea 2021].

² См., например, специальный выпуск журнала "Critique of Anthropology", 2019, vol. 39, no. 2 "Immersion in the Bureaucratic Field: Methodological Pathways" и выпуски "The Cambridge Journal of Anthropology", 2015, vol. 32, no. 1 "Remaking the Public Good: A New Anthropology of Bureaucracy"; 2022, vol. 40, no. 2 "States of Feeling: Public Servants' Affective and Emotional Entanglements in the Making of the State".

хизированном бюрократическом мире понятие интерпретативного труда¹ — «постоянной и зачастую тонкой работы воображения, бесконечных попыток увидеть мир с другой точки зрения»; «в отношениях господства работа по пониманию того, как устроены социальные отношения, обычно возложена на подчиненных» [Гребер 2016: 64, 67]. Иными словами, слабый или угнетаемый в таких отношениях постоянно пытается угадать или проинтерпретировать действия сильного, в то время как обратный процесс наблюдается редко. Гребер объясняет механизмы такого труда на примере действий клиентов по угадыванию намерений и приоритетов бюрократов, а также невозможности граждан сопротивляться подчас совершенно бессмысленным указаниям и бумажной волоките, которая сопровождает бюрократические процессы. Другую книгу антрополог посвящает еще одному неотъемлемому аспекту бюрократии, актуальному в эпоху «тотальной бюрократизации» (т.е. во время стремительно растущей сферы услуг и административного сектора) — моральному напряжению, испытываемому служащими различных организаций по поводу собственной бессмысленной «бредовой» или «дерьмовой» работы (*bullshit jobs, shit jobs*), которую они вынуждены выполнять и для себя оправдывать [Гребер 2021].

Социальная критика бюрократии — популярное и, наверное, одно из самых долговечных направлений в антропологии бюрократии. Так, к критическому направлению принадлежат многие антропологические работы, подвергающие анализу классификации, которые производят бюрократы в отношении граждан (см., например: [Handelman 1981; Neuman 1995; Дуглас 2020 (1986); Berda 2022]). Подобные классификации часто становятся основанием для применения структурного насилия, которое можно понимать в том числе как неравное и произвольное предоставление услуг людям на основании приписываемой им категории. Единственная, по мнению Дэвида Гребера, «широко известная антропологическая работа о бюрократии» [Graeber 2012: 109] (добавим: помимо текстов самого Гребера) — книга Майкла Херцфельда “The Social Production of Indifference” [Herzfeld 1992] — также посвящена классификациям. В фокус внимания автор помещает феномен бюрократического безразличия (*indifference*) — «неприятие тех, кто отличается от других, ставшее привычным для инсайдеров» [Ibid.: 33]. Антрополог находит корни такого государственного безразличия в класси-

¹ Несмотря на то что в русском издании приводится термин «интерпретативная работа», мы настаиваем на использовании более точного перевода греберовского понятия *interpretative labour* — «интерпретативный труд», так как этот вариант отсылает к важной для автора идее асимметричных отношений, которые возникают в процессе их производства.

фикациях, обращаясь к которым, «бюрократы опираются на существующий культурный словарь» [Herzfeld 1992: 57] и учатся использовать стереотипы для конкретных рабочих целей. Несмотря на то что позже Херцфельд уточняет, что «бюрократы могут сохранять свое личное чувство порядочности и использовать свое понимание правил на благо своих клиентов» [Herzfeld 2015: 536], «производство безразличия» в рецепции чаще всего расценивается негативно. Эта работа встраивается в исследовательское направление социальной критики бюрократии, причем бюрократии западной.

Вместе с тем стоит отметить, что подавляющее большинство работ антропологов о бюрократах написаны в странах глобального Юга. Еще одна классическая работа по антропологии бюрократии “The Anti-Politics Machine” Джеймса Фергюсона [Ferguson 1996 (1990)] посвящена критике концепции «развития», применяемой в африканском королевстве Лесото. Подробно анализируя документы о развитии горного района Тхаба-Цека, антрополог показывает, каким образом формируется дискурс о Лесото как о стране с крестьянским обществом и национальной, изолированной экономикой. Далее, обращаясь к политэкономическому контексту, автор объясняет, что проекты «развития» не приносят планируемых положительных изменений, так как противоречат местным социальным нормам. Аппарат «развития», по характеристике Фергюсона, — «это не машина ликвидации бедности», какой хочет казаться, а по сути своей «антиполитическая машина, деполитизирующая все, к чему прикасается, и выполняющая собственные политические цели по расширению бюрократической власти» [Ibid.: 256].

Критику бюрократии в стране «третьего мира» представляет и книга Ахила Гупты “Red Tape” [Gupta 2012], по выражению самого автора, «полная еле сдерживаемой ярости» [Gupta et al. 2015: 588]. Гупта смотрит на индийскую бюрократию как на «процесс, пронизанный непредвиденными обстоятельствами и едва контролируемым хаосом» [Gupta 2012: 14]. Помещая в центр анализа биополитику бедности, автор рассматривает коррупцию и систематический произвол индийских чиновников как проявления структурного насилия и как часть более широких политэкономических процессов. При этом антрополог внимателен к конкретным инцидентам и практикам. Как отмечает Джозайя Хейман, к книге Гупты «неприменима простая модель доминирования, коррупции, не-получения услуг, извлечения ценности <...>. Скорее Гупта указывает, что жители сельской Индии <...> хорошо умеют извлекать как уроки о важности социально-политических связей, так и культурную информацию о том, к какому чиновнику обратиться, что ему предложить и о чем его просить» [Heuman 2012: 1272]. Бюро-

кратические взаимодействия, описываемые Гуптой, разнообразны по конкретным способам распределения власти и по своим результатам. К примеру, посредством письма — главного инструмента бюрократической власти — бедные и неграмотные жители Индии не только становятся жертвами структурного насилия, но и получают возможность для противостояния насилью с помощью письменных жалоб и подделывания документов [Gupta 2012: 141–236].

Таким образом, ключевые работы, представленные в этом разделе, не сводятся к одностороннему, детерминированному политической позицией авторов перечислению негативных аспектов бюрократии. Этнографический подход с его вниманием к бюрократическому дискурсу и различным практикам позволяет заглянуть внутрь черного ящика бюрократии и разглядеть, что на самом деле означают те или иные формулировки и действия. При этом антропологические методы обязывают авторов, изначально настроенных враждебно, смотреть на взаимодействия граждан с чиновниками под разными углами. Тем самым сквозь критику просвечивает амбивалентная природа бюрократии, угнетающей и граждан, и самих чиновников, но вместе с тем оставляющей им лазейки для отвоевывания свободы действий.

В сердце государства: моральные дилеммы и аффекты государственных служащих

Согласно Томасу Биршенку и Жан-Пьеру Оливьеру де Сардану, критические работы о бюрократии, авторы которых встают на сторону клиентов, представляют собой пример «идеологического популизма» — исследования превращаются в политические проекты [Bierschenk, Olivier de Sardan 2019: 245–246]. Альтернативой этому подходу антропологи видят популизм методологический, близкий этнографии организаций. Фокусируясь на деталях повседневности внутри учреждения, этот подход отсылает к истокам антропологии с ее пафосом изучения «местной точки зрения». Анализ повседневности и неформальных «практических норм» бюрократов (о термине см., например: [Olivier de Sardan 2015]), как утверждают авторы, помогает понять причины кажущихся абсурдными действий чиновников, изучить «рациональность в контексте» [Bierschenk, Olivier de Sardan 2019: 246].

Во введении к сборнику с броским названием “At the Heart of the State” Дидье Фассен отмечает, что «институты делают больше, чем просто думают, они также внедряют ценности и аффекты, суждения и настроения» [Fassin 2015b: 8]. Принимая это во внимание, отдельное направление этнографических исследова-

ний бюрократии выстраивается вокруг «морального мира институтов» — ценностей и эмоций, лежащих в основе политики, которую, в свою очередь, на практике создают государственные служащие. Задаваясь вопросом, «как институты оценивают и чувствуют», авторы сборника анализируют рабочую рутину полицейских и консультантов по трудоустройству, судей и социальных работников, сотрудников тюрем и психологов. Фассен выделяет два обязательных уровня этого анализа — внимание к «моральной экономике» и к «моральной субъективности». Под «моральной экономикой» антрополог предлагает понимать «производство, обращение и присвоение ценностей и аффектов, касающихся социальной проблемы», растворенный в конкретном социально-историческом контексте здравый смысл по поводу того или иного социального факта [Fassin 2015b: 8].

Параллельно с этим внешним моральным кодексом, по мысли Фассена, существует и кодекс более индивидуализированный, подразумевающий свободу действия и суждений сотрудников. Этот кодекс антрополог называет «моральной субъективностью». Следовательно, согласно Фассену, анализ моральной работы институтов должен учитывать как существующие в обществе напряжения, связанные с проблемами маргинализированных групп (моральную экономику), так и действия в профессиональном (бюрократическом) мире, направленные на их разрешение (т.е. моральные субъективности). В соответствии с этим подходом авторы сборника, изучая повседневность сотрудников различных французских бюрократических учреждений, пытаются соединить макро- и микросоциальный уровни моральных субъективностей и тем самым исследовать «более теплую сторону государства» [Fassin 2015a: X].

Вопрос о месте морали в бюрократической практике — это очередной виток полемики с веберовской концепцией рациональной, свободной от эмоций и личных предпочтений бюрократии. Вставая на защиту веберовской модели, социолог Пол дю Гей отмечает, что она вовсе не подразумевает отсутствие морали, а, напротив, утверждает ее высшую форму, предполагающую равное отношение ко всем клиентам [du Gay 2000; 2005]. По логике исследователя, бюрократ должен практиковать особое «тренированное безразличие», вследствие которого он принимает существующую в системе иерархию, но при этом отвергает личные моральные суждения, которые могут мешать беспристрастному¹ выполнению работы. Однако на практике бюрократы, особенно в сфере социальных услуг, неизбежно

¹ О «неэмоциональных» отношениях низовых чиновников с клиентами как «бюрократической добродетели» см. также: [Assor 2021].

сталкиваются с моральными дилеммами: кому в первую очередь оказать помощь? Возможно ли нарушить инструкции или даже обойти закон ради выполнения работы? Учитывать ли личное впечатление от клиента при работе с ним?

Нерина Вейс и Нина Грен, исследовавшие работу специалистов центров по приему беженцев в Норвегии и Швеции, обращаются к понятию морального неудобства (*moral discomfort*) [Weiss, Gren 2021: 196]. Этот термин обозначает особое рефлексивное состояние, необходимое низовым бюрократам для того, чтобы действовать в условиях неопределенности и двусмысленности целей и при этом считать свою работу удовлетворительной. Следуя схожей идее, Энн-Майке Фехтер предлагает использовать понятие морального труда (*moral labour*) для описания умственных усилий, которые ежедневно прилагают сотрудники камбоджийских гуманитарных организаций для того, чтобы смириться с недостижимостью цели своей работы, направленной на помощь всем нуждающимся [Fechter 2016].

Анализируя, как сотрудники американской некоммерческой организации¹ ежедневно «занимаются тонким моральным ремеслом <...> творчески используют ресурсы <...> которые предоставляет им их окружение», Бернардо Зака говорит о моральных установках служащих [Zacka 2017: 150]. Под моральными установками автор понимает устойчивые способы восприятия рабочих ситуаций и приоритетные суждения при реагировании на них [Ibid.: 66]. Однако рутинизированные моральные установки становятся для него предметом критики. Устойчивость трех «патологических» моральных установок, которые выделяет автор, — «безразличия» (*indifferent*), «холодного правоприменения» (*enforcer*) и «заботы» (*caregiver*), с его точки зрения, препятствует осмысленному использованию низовыми бюрократами дискреции и сонастройке их способов реагирования в соответствии с индивидуальными случаями. Зака резюмирует, что негативным аспектом бюрократии является то, что чиновники перестают рефлексировать по поводу моральности своих действий, используя в практике клише.

Наряду с моральными дилеммами в работе бюрократов исследователи, как и в упомянутом сборнике под редакцией Фассена, обращаются к изучению связи между чувствами госслужащих, их профессиональными практиками и сложным образом государственности, который так или иначе становится зависим от

¹ Некоммерческие организации тоже стали объектом исследований антропологии бюрократии (см., например: [Routray 2017; Allen 2018; Ellison 2018; Timmer, Wirtz 2022]). Им на аутсорсинг были переданы некоторые государственные функции в ходе реформы New Public Management, нацеленной на то, чтобы превратить государственное управление в «супермаркет, предоставляющий широкий спектр государственных услуг и ограниченный рыночной конкуренцией» [Olsen 2005: 6].

эмоциональных переживаний. Редакторы специального выпуска “The Cambridge Journal of Anthropology”, посвященного чувствам бюрократов, отмечают, что внимание к эмоциям и аффектам открывает новые возможности для изучения «недостающего звена» между образами и практиками государства [Andreetta et al. 2022].

Такой интерес антропологов к чувствам государственных служащих — следствие «аффективного поворота» в политической антропологии (и в целом растущего в социальных науках конца XX в. внимания к эмоциям), предлагающего сфокусироваться на эмоциональных переживаниях служащих, которые воплощают государство. Отталкиваясь от идеи, что «магию государства» можно понять с помощью этнографии эмоций граждан (см., например: [Aretxaga 2003; Navaro-Yashin 2009; Laszczkowski, Reeves 2015]), авторы статей, вошедших в тематический выпуск журнала, создают новые пометки на полях «Хозяйства и общества», пытаясь «выйти за рамки веберовского разделения эмоций и рациональности в управлении» [Andreetta et al. 2022: 9]. Антропологи исследуют, как сострадание, тревога или гнев влияют на решения малазийских государственных служащих, отвечающих за борьбу со стихийными бедствиями [Hendriks 2022], пытаются понять, какое место занимают эмоции бельгийских госслужащих в рассмотрении дел по предоставлению социальных услуг [Andreetta 2022], выясняют, как страх формирует повседневные взаимодействия между учителями и их начальством [Jargoux 2022] и т.д.

Аффекты государственных служащих рассматриваются исследователями и как инструмент управления. К примеру, Биргит Зауэр, Отто Пенц и их соавторы ставят в центр коллективной статьи аффективный труд в неолиберальной государственной бюрократии, т.е. в бюрократии, превратившейся в поставщика услуг, ориентированного на клиента [Penz et al. 2017]. На примере трех городов в Австрии, Германии и Швейцарии исследователи анализируют аффективную субъективность государственных служащих по трудоустройству в их взаимодействиях с соискателями. Согласно авторам, посредством демонстрируемой эмпатии и активного слушания агенты по трудоустройству создают для клиентов атмосферу доверия. Это не только позволяет служащим достигать большей эффективности, но и служит для них источником удовлетворения своей работой, которое дает обратная связь с клиентами. Как показывают исследователи, при большой рабочей нагрузке и высокой вероятности конфликтов чиновники, напротив, прибегают к аффективному труду, пытаясь действовать безэмоционально (см. также: [Yang 2021]) и заполнять образовавшуюся пустоту «бюрократическим шумом» (например, скреплением бумаг).

Авторы резюмируют, что аффективная субъективация государственных служащих — важный аспект неолиберальной правительственности, в ходе которой управление осуществляется посредством «аффективных практик» [Penz et al. 2017: 555–556].

Между тем аффекты чиновников — это не только ресурс, помогающий им в работе, но и возможность управлять самими государственными служащими и, шире, государством. Как отмечает Цзи Ян, изучающая множасьщиеся случаи суицида среди китайских чиновников, местные СМИ и правительство патологизируют самоубийства, систематически и без обращения к специалистам находя причину случившегося в психологических, биомедицинских, но никогда не в социальных проблемах [Yang 2018]. Так, преподнося самоубийства как результат «душевной боли» (*guan xinbing*) отдельных чиновников, журналистские репортажи и правительственные отчеты имплицитно конструируют образ «идеального» (рационального и психически здорового) субъекта автократического государства. Согласно Ян, приписываемый госслужащим *post mortem* диагноз отвлекает внимание от усугубляющихся проблем внутри самой бюрократической системы, а сложные социальные, экономические и политические противоречия (например, «скрытые правила», борьба за власть и гендерные нормы [Yang 2019]) преподносятся как индивидуальные психологические расстройства. Ян говорит о терапевтическом способе управления государственными служащими (*therapeutic governance*), показывая, как психологизация бюрократической политики служит различным социально-политическим целям.

Материальность бюрократии

По остроумному замечанию Бена Кафки, бюрократия добавила к классическим режимам демократии, аристократии и монархии форму правления с помощью предмета офисной мебели [Kafka 2012: 77]. В этом смысле особая «материальность» бюрократии является вполне закономерным предметом изучения. В первую очередь подобный подход связан с книгой Мэттью Халла “Government of Paper”¹ [Hull 2012b], где автор предлагает сфокусироваться на материальной стороне процесса управления, до тех пор остававшейся вне поле зрения исследователей. Отталкиваясь от существующего представления о бюрократическом письме лишь как об инструменте контроля, используемого властными структурами (см., например: [Goody 1986; Yates 1989; Drybread 2016; Фуко 2018 (1975)]), Халл заявляет о необходимости «аналитически восстановить видимость документов,

¹ Дискуссию о книге Халла см. в выпуске журнала этнографической теории “NAU”, 2013, vol. 3, no. 3.

смотреть на них, а не сквозь них» [Hull 2012b: 13]. Следуя лагурианскому подходу, Халл показывает, как документы и другие материальные артефакты бюрократических кабинетов Пакистана не только отражают существующие отношения, но и влияют на них через свои материальные качества, становятся средствами для выражения несогласия или для переговоров между управляющими и управляемыми. Согласно его выводам, документы имеют свои «графические идеологии» и представляют собой «семиотические технологии, материальные средства для создания, интерпретации и регулирования значимости для определенных целей» [Hull 2012b: 27]. В обзоре исследований материальности бюрократии Халл замечает, что документы «не просто являются инструментами бюрократических организаций, а скорее составляют бюрократические правила, идеологии, знания, практики, субъективности, объекты, результаты и даже сами организации» [Hull 2012a: 253].

Наяника Матур также обращается к «бумажному» аспекту бюрократии и государства, однако исследует не столько сами документы, сколько процессы, которые стоят за их производством. В книге «Бумажный тигр» Матур анализирует работу чиновников в городке Гопешвар, расположенном на севере Индии [Mathur 2015]. Наблюдая за процессом исполнения двух законов (Национального закона о гарантиях занятости в сельской местности и Закона о дикой природе), антрополог подробно описывает повседневность бюрократов и их систему производства *sarkar* — «правительственности» или «государственности». Матур смягчает критику бюрократии. Она отмечает, что гражданам часто сбиты с толку законами, однако исследователи мало задумываются о том, что самим чиновникам приходится преодолевать «неразборчивость» государства. Матур подчеркивает: чиновники знают, что правилам никогда нельзя следовать в точности, потому что, соприкасаясь с реальностью, законы оказываются противоречивыми. Таким образом, основная энергия бюрократов направлена на то, чтобы создать видимость исполнения больших государственных проектов, и основным средством, с помощью которого происходит это создание «правительственности», является производство документов [Ibid.: 3].

Во время полевой работы Матур на жителей Гопешвара стала нападать «кошка-людоед» (тигр или леопард). Закон о защите дикой природы, строго запрещающий отстрел крупных кошек, вступает в прямое противоречие с повседневной безопасностью и, следовательно, мобильностью жителей города, которые вынуждены ограничивать выход на улицу из-за страха перед хищником. Матур показывает, что бюрократам приходится ждать, пока тигр не убьет нескольких людей, чтобы официально признать животное опасным и застрелить его. Регулярные

нападения тигра на людей и трагическая смерть двух детей вызывают гнев граждан, которые, в свою очередь, называют государство «бумажным тигром»¹, убивающим людей своей нерасторпностью².

Как отмечает Крегг Хетерингтон, «с документами всегда сталкиваются конкретные люди в определенных контекстах <...> к документам все приходят с разными желаниями, политическими целями, фреймами индексальных референций [т.е. способов понимать знаки. — А.З., А.М.] и привычками интерпретации» [Hetherington 2011: 8–9]. В известной книге “Guerrilla Auditors”, строящейся вокруг бюрократических документов, антрополог исследует, как участвующие в борьбе за обещанную им землю парагвайские крестьяне (*campesinos*) обращаются к «партизанскому аудиту». Опираясь на неолиберальные идеалы прозрачности и подотчетности, угнетенные парагвайцы развязывают против местных элит войну за свои права в бюрократических архивах. Собирая вокруг себя различные документы и научаясь особым образом интерпретировать их, партизанские аудиторы создают вокруг себя правовой ландшафт. Хетерингтон обобщает: «Самый важный аспект бюрократической деятельности — особый подход к созданию и чтению надписей на бумаге» [Ibid.: 148]. Автор подчеркивает такие аспекты документов, как потенцию заложенной в них информации и открытость документов различным интерпретациям в зависимости от контекста. Подобная перспектива подводит нас к следующему направлению.

Гражданские эффекты бюрократии

Из сказанного выше видно, что этнографические исследования бюрократии не ограничиваются изучением профессиональной группы государственных служащих. Бюрократия рождается во взаимодействии между бюрократом и клиентом, поэтому насыщенное описание такого взаимодействия предполагает анализ как перспективы чиновников, так и взгляда тех, кто пользуется «государственными услугами». Кажется, что с этой стороны проще всего увидеть недостатки системы, несовершенной

¹ Это словосочетание также отсылает к вошедшему в международное употребление китайскому выражению «бумажный тигр», ставшему популярным благодаря Мао Цзэду (см., например: [Мао 1956]). Оно используется для характеристики человека или сообщества, которые кажутся могущественными, но на деле бессильны.

² Примечательно, что в начале полевой работы Матур перенаправляли из одной государственной инстанции в другую. Бюрократы удивлялись тому, что антрополог хочет изучать, как законы превращаются в реальные практики. В каждом учреждении ей отвечали, что если она действительно хочет понять, как устроено государственное управление, то обращается не по адресу: в правительственных офисах Дели ей указывали на городки, где непосредственно исполняются постановления, а в небольшом Гопешваре — на столицу, где вышестоящие чиновники придумывают законы.

априори (о сложностях бюрократии, с которыми сталкиваются пользователи, см., например: [Griffiths 2013]). Однако некоторые антропологические исследования показывают, что бюрократия не всегда воспринимается гражданами исключительно как непреодолимое неудобство.

В упомянутой книге Хетерингтона парагвайские крестьяне используют бюрократические документы, чтобы увеличить свои шансы в притязаниях на землю, в этом смысле партизанский аудит представляет собой «политику надежды» [Hetherington 2011: 231]. Аналогичную мысль высказывает и Моник Нейтен, исследующая коллективную форму владения землей в Мексике [Nuijten 2003]. Нейтен анализирует отношения простых мексиканцев и чиновников, которые выступают весьма ненадежными посредниками в деле закрепления земель за их владельцами. Несмотря на постоянные обманы со стороны госслужащих, недоверие, коррупцию, мексиканцы продолжают воображать «точную карту» границ земельных участков, на которой земля распределена справедливо.

По мнению исследовательницы, вера людей в то, что бюрократические механизмы в их идеальном виде действительно могут помочь им, позволяет политическим силам поддерживать образ бюрократии как «машины, порождающей надежду». Разговоры о чудовищной коррупции и борьбе с ней отвлекают граждан от фундаментальной критики государства и позволяют политикам утверждать, что в рамках системы не требуется радикальных изменений — достаточно лишь удалить «гнилые» коррумпированные элементы, и государство наконец-то сможет должным образом выполнять свои обязательства перед гражданами. Таким образом, по словам Нейтен, «машина, порождающая надежду, продолжает свой ход» [Nuijten 2003: 174].

Как отмечают Лора Бэр и Наяника Матур в предисловии к подборке статей о бюрократии в “The Cambridge Journal of Anthropology”, бюрократия — это «выражение социального контракта между гражданами и чиновниками, целью которого является создание утопического порядка» [Bear, Mathur 2015: 18]. Утопические цели бюрократии связаны с «общественными благами» — прозрачностью, экономией бюджета, маркетизацией и децентрализацией на службе транснациональных органов. Легитимность бюрократических институтов, по мнению авторов, основывается на утверждении, что они существуют для общественного блага, которое бюрократы пытаются материализовать в своих практиках. Бэр и Матур заявляют о том, что вошедшие в подборку статьи нацелены на то, чтобы «заложить фундамент для детального исследования этических основ и линий социальной борьбы, которые обычно оказываются скрыты

техническим анализом общественных благ в экономических исследованиях и исследованиях развития <...> восстановить сложность действий, в которых люди преследуют различные прагматические и утопические цели» [Bear, Mathur 2015: 21]. Авторы статей анализируют изменения, происходящие под влиянием неолиберальной политики. В частности, речь идет о противоречивых реформах в Великобритании, направленных на создание «гибкого» и «прозрачного» правительства [John 2015], и о похожих стремлениях в ЮАР, где желание сделать систему правосудия более открытой приводит к озабоченности бюрократов показателями эффективности [Zenker 2015]. Этнографические исследования процессов создания общественного блага помогают зафиксировать трансформации, в ходе которых идея о доступности и прозрачности государства формулируется и адаптируется конкретными людьми на разных уровнях бюрократической системы.

Отношения с государством, формируемые посредством взаимодействия граждан с низовыми чиновниками, — важная тема этнографических исследований бюрократии. Как показывает Эми Купер, работающие в государственных клиниках венесуэльские врачи, (явно и ненамеренно) выражая солидарность и сострадание, играют значимую роль в формировании политической субъектности пациентов [Cooper 2015]. Согласно Купер, разочарованные невыполненными обещаниями государства использовать нефтяное богатство на благо граждан, венесуэльцы в проявлениях эмпатии и физическом соприсутствии государственных медицинских работников видят попытку снизить социально-политическое неравенство. Биомедицинские встречи становятся значимы политически, при этом большую роль играют не только демонстрируемые во взаимодействиях аффекты, но и физическое расположение тел¹ врачей.

Как кажется, здесь уместно вспомнить слова Луи Альтюссера: «Идеология “действует”, или “функционирует”, таким образом, что “вербует” субъектов в среде индивидуумов <...> или “трансформирует” индивидуумов в субъектов <...> тем самым образом, который мы называем “обращением” (*l'interpellation*) и который можно себе представить в виде самого банального, ежедневного обращения полицейского (или кого-то другого): “Эй, вы, там!”» [Альтюссер 2011: 50]. Этнографические исследования бюрократии позволяют понять, как именно посредством рутинных действий низовые бюрократы участвуют в формировании у граждан политической субъектности.

¹ Телесности бюрократов и связанным с ней особенностям работы также уделяется внимание в социальных исследованиях — см., например: [Murphy 2006].

О бюрократии в России

Наш краткий обзор очертил весьма широкую географию социальных исследований бюрократии — США и Индия, страны Африки и Азии, неолиберальные европейские государства и автократический Китай. Рассмотрев разнообразие исследовательских подходов, обращающихся как к региональным особенностям, так и к общим чертам практик государственных служащих, мы хотели бы уделить отдельное внимание работам о российской бюрократии. Предваряя разговор о бюрократии в российском контексте¹, будет справедливо упомянуть о связанных с ней негативных ассоциациях, которые не только основываются на повседневном опыте взаимодействия с чиновниками, но и отражены в литературных образах гоголевских чиновников-взяточников и неприметного Акакия Акакиевича, бесцельно переписывающего бумаги в департаменте, напыщенных и корыстолюбивых чиновников Салтыкова-Щедрина, царящих в советских конторах абсурда и изматывающего ожидания, описанных Зощенко и Ильфом и Петровым. Часто слово «бюрократия» в узусе становится синонимом хамства, «чиновничества», «бумагомарательства», «офисного планктона»². Попыток понять мир тех, кого мы встречаем за окном регистратуры или в администрациях разного уровня, в российских социальных исследованиях на данный момент не так уж много.

Множество исследований российских бюрократических институтов располагается в поле изучения государственного управления³ — сами чиновники и жизнь по ту сторону бюро остаются непроницаемыми. В разговоре об антропологии бюрократии нас больше интересуют исследования, связанные непосредственно с анализом практик на местах, устройства бюрократических инстанций и позиции самих бюрократов со свойственными им дискрецией, моральными дилеммами, чувствами и неизбежным разрывом между представлениями о государстве и реальностью.

Задачу исследовать «жизненные миры» российских чиновников (интерсубъективный «коррелят опыта и деятельности человека, мир повседневности, непосредственность знания, представлений и переживаний» [Рогозин 2015а: 6]) ставят перед собой авторы сборника «Российский чиновник: социологический анализ

¹ По мнению Дэвида Гребера, если британцы гордятся тем, что несильно разбираются в бюрократии, то жители России полагают, что должны быть компетентнее в этой области и стыдятся, если у них не получается овладеть всеми тонкостями бюрократических процессов [Гребер 2016: 15, 206].

² О негативных коннотациях слова «чиновник» см., например: [Виноградский 2015; Ипатова 2015; Шмерлина 2015].

³ См., например, журналы «Вопросы государственного и муниципального управления», «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки», «Вестник государственного и муниципального управления».

жизненного мира государственных и муниципальных служащих» под редакцией Дмитрия Рогозина. На материалах интервью с государственными и муниципальными служащими в шести регионах России социологи, философы, культурологи, экономисты и историки стремятся изучить природу государственной службы и ее ценностных норм. Авторы статей исследуют смысловое пространство языка служащих и пытаются понять, возможна ли в России либерализация власти [Рогозин 2015б], размышляют о самом феномене чиновничества [Шмерлина 2015] и анализируют коннотации, заложенные в слове «чиновник» [Виноградский 2015; Ипатова 2015; Шмерлина 2015], рассматривают «мировоззренческие установки» [Никулин 2015; Новиков 2015б] и дискурс о коррупции [Рогозин 2015в], изучают «архетипы» [Новиков 2015а], карьерные траектории [Куракин 2015] и особенности «профессионального мира» служащих [Виноградский 2015].

Представленные в книге интервью с муниципальными чиновниками содержат интересные и важные детали, позволяющие заглянуть в замочную скважину в двери кабинета. Однако, как отмечает сам Дмитрий Рогозин, в вошедших в сборник статьях, во многом из-за выбранного метода исследования, чиновники остаются «чужаками», чьи нормы противоречат «базовым ценностям академической свободы и мировоззренческой независимости» [Рогозин 2015а: 9]. Несмотря на идею изучить «жизненный мир» российских бюрократов, последние предстают в текстах «обезличенными, загруженными канцелярской работой и документооборотом» [Рогозин 2015б: 28], что, как кажется, не слишком отличается от стереотипов, которым авторы уделяют так много внимания.

Существуют и работы с большей степенью вовлечения исследователя в повседневность российских бюрократов. Изучая повседневность полицейских посредством включенного наблюдения и интервью, Екатерина Ходжаева показывает множественные противоречия, с которыми сталкиваются рядовые сотрудники полиции: противоречащие друг другу обязанности, ограниченность инструментов для защиты граждан или оказания им помощи, отказ других государственных инстанций от сотрудничества [Ходжаева 2013; 2015]. Если в обыденном представлении полицейские в современной России наделены почти неограниченной властью, то исследования с применением антропологических методов опровергают стереотипы и существенно приближают к пониманию реальных практик и логик рядовых сотрудников. К анализу повседневности низовых бюрократов обращаются и другие исследователи, работы которых позволяют пролить свет на остающуюся, как правило, в тени логику действий различных государственных и муници-

пальных служащих, их способы справляться с трудностями работы (см., например: [Галиндабаева 2013; Моисеева 2014; Галкин 2019; Мартыненко 2023]).

Елена Богданова в книге, посвященной обращениям с жалобами к властям в России с начала XX в. до современности, использует методы количественного и качественного анализа документов [Bogdanova 2021]. Одновременно с этим исследовательница обращается и к глубинным интервью как с бюрократами, которые получают жалобы, так и с теми, кто их подает. Как указывает Богданова, именно интервью помогли ей обогатить анализ механизма подачи жалоб данными о неформальных правилах и стратегиях, которые играют исключительную роль в функционировании жалоб во все исторические периоды [Ibid.: 14].

Так, соответствуя общим тенденциям антропологии бюрократии, в одном из направлений отечественных исследований в центр помещается бюрократический артефакт. Особым отношениям между реальностью и документами посвящен междисциплинарный сборник статей «Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство» под редакцией Ирины Каспэ [Каспэ 2013]. С позиций социологии, антропологии, политологии, истории, философии, культурологии и филологии авторы статей размышляют о значении «документа» и «документности» и их функциях в культуре, фокусируясь на том, как с документами соотносится доверие к бумагам и к тем, кто их производит.

Одному из «личных документов», связывающих человека с бюрократической реальностью, посвящена монография Альберта Байбурина «Советский паспорт: история — структура — практики» [Байбурин 2017]. На примере бюрократического артефакта в книге прослеживается трансформация взгляда государства на личность. Уделяя большое внимание историческим контекстам и анализируя предметность, символичность паспорта и ритуализованные практики, связанные с ним, Байбурин показывает, как введение паспортной системы утвердило недоверие в качестве одного из принципов отношения власти к гражданам. Автор задается вопросом, как функционировала советская паспортная система в официальных и неофициальных вариантах. Как пишет Байбурин, «официальные установления служили своего рода материалом для их интерпретации не только простыми советскими гражданами, но и самими представителями власти <...>. В результате складывался набор актуальных практик <...> не предусмотренных официальным сценарием, но дававших возможность советским гражданам пытаться реализовать свои конкретные жизненные страте-

гии» [Байбурин 2017: 457]. Такая логика рассуждений резонирует с подходом Халла и Хетерингтона к документу как к объекту, открытому разным прочтениям и предполагающему, несмотря на, казалось бы, строгую формальность, вариативность действий.

К другим важным для российской бюрократии материальным артефактам обращается Константин Гаазе, который анализирует рукописное письмо — заметки от руки, сделанные на документах из служебной переписки российских бюрократов высшего звена [Гаазе 2016]. Так называемые резолюции, написанные поверх печатного текста, по мнению Гаазе, отражают специфику российской правительственности, где свободная, или буквально произвольная, форма ответа вышестоящего чиновника производит власть, не зависящую от формальных правил организации: «Бюрократия появляется там, где и когда правила начинают регулировать не только практику, но и модус отношений к рассматриваемому делу» [Там же: 122]. На примере рукописного письма автор показывает, как в российской правительственности сочетаются черты современной и патримониальной бюрократии — формы государства, выделенные Вебером [Вебер 2019]. Анализ конкретных материальных артефактов, так же как в работах Халла и Фергюсона, позволяет Гаазе сделать выводы о политической системе страны в целом.

«На хвосте у Левиафана»

16–17 декабря 2022 г. в Европейском университете в Санкт-Петербурге состоялся семинар «На хвосте у Левиафана: антропология бюрократии в современной России». Его появление обусловлено возросшим вниманием к бюрократическим темам на факультете антропологии и давним интересом к исследованию бюрократии сотрудников Института проблем правоприменения. Целью семинара мы видели создание междисциплинарной площадки для обсуждения качественных исследований бюрократии, в ходе которых можно заглянуть за ширму государственного управления, узнать, из чего собирается повседневность низовых российских чиновников различных инстанций, с какими трудностями они сталкиваются и как (не) преодолевают их. Иными словами, на семинаре мы постарались собрать исследования о жизни и работе тех, кто находится внизу властной пирамиды, и о том, каким образом с российской бюрократией взаимодействуют рядовые граждане.

Анонс мероприятия неожиданно для нас получил большой отклик от коллег из разных городов, институций и дисциплин. Возможно, частичным объяснением этой реакции может служить тот факт, что на русский язык были переведены работы Дэвида Гребера (но что есть причина, что — следствие?), или

то, что бюрократия, став неотъемлемой частью жизни, приобрела статус легитимного поля для этнографического исследования. Кроме того, современный социально-политический контекст с его непрозрачностью управленческой логики может рождать желание заглянуть в этот черный ящик, чтобы понять, почему все работает так, как работает, а в иных случаях не работает вовсе.

В статьях, вошедших в эту подборку, применяются различные подходы для анализа работы бюрократов и взаимодействия с ними пользователей. Статья Никиты Шевченко представляет собой пример исследования материальной стороны бюрократии, с которой вынуждены иметь дело клиенты. Анализируя анкеты призывников, обращающихся в правозащитную организацию, автор опирается на идеи Бруно Латура [Latour 1990] и Мэттью Халла [Hull 2012b], призывавших реабилитировать материальные артефакты бюрократии и науки, прежде не замечаемые социальными исследователями. Шевченко обращает внимание на дизайн анкеты призывника и то, как в нем отображается логика работы и бюрократическое устройство военкомата. Следуя «эстетическому» подходу исследования документов [Hull 2012a: 255], т.е. фокусируясь на внутреннем устройстве и практиках использования шаблона анкеты, автор исследует, как медицинская и социальная биографии призывника пересобираются внутри призывной бюрократии. Вслед за Марком Бергом (см., например: [Berg, Bowker 1997]) он ставит в центр текста проблему «документного времени», показывая, как взаимодействие с бюрократией приобретает биографическое измерение. Тем самым Шевченко помещает свое исследование на пересечении антропологических исследований бюрократических документов и антропологии медицины.

Анкета как материальный артефакт бюрократии фигурирует и в статье Никиты Мишакова. В тексте о работниках организации, которая определяет «нуждаемость» граждан: должно ли государство оказывать им социальную помощь и в каком объеме, Мишаков указывает на важность изучения моральных и «человеческих» отношений, возникающих вне рациональных моделей поведения низовых бюрократов. Сотрудники этого учреждения должны по формальным данным анкеты и с опорой на четко заданную классификацию определить «степень нуждаемости» конкретного человека. Однако на деле принятие решений не ограничивается формальными процедурами. Ссылаясь на Йенса Кьерульфа, критикующего теорию дискреции [Kjaerulff 2020], автор замечает: эта категория применима к модели рационального актора, но плохо описывает и объясняет другой тип поведения, который встречается у низовых бюрократов, — поведение, основанное на собственных представле-

ниях о долге и справедливости. Так, в ходе анализа интервью Мишаков обращает внимание на то, что многие сотрудники Центра описывают практики, основывающиеся на доверительных отношениях как с коллегами (непосредственными поставщиками социальных услуг), так и с самими гражданами, которые обращаются за помощью. Роль в определении «степени нуждаемости» играет и предыдущий профессиональный опыт сотрудников: более отзывчивыми оказываются те бюрократы, которые имеют опыт социальной работы с населением. При этом сотрудники Центра вынуждены ограничивать свои альтруистические порывы из-за страха проверок. Таким образом, отходя от материальной стороны бюрократии, Мишаков посвящает свой текст другому важному аспекту исследований рабочей повседневности бюрократов — дискреции чиновников и месту личных моральных и этических выборов в их рабочей практике.

Статья Александры Захаровой продолжает затронутую Мишаковым тему бюрократической классификации клиентов, происходящей в не совсем привычном контексте, а именно в рабочей повседневности служащих сельских администраций и членов управленческих команд. Захарова задается вопросом, зачем в поселении, где, казалось бы, «все всех знают» (а не в кабинете, куда приходит много клиентов, между которыми нужно распределить ограниченные ресурсы [Lipsky 2010]), сельские бюрократы стараются определить особый «характер» населенных пунктов. С опорой на идею Джеймса Фергюсона о «моральной географии» в дискурсе замбийцев [Ferguson 1992], автор рассуждает о моральном картографировании социального пространства поселения, в ходе которого муниципальные служащие определяют, какие населенные пункты являются более «проблемными» для управления, тем самым снижая степень переживаемой ими неопределенности. Вместе с тем Захарова показывает, что демонстрируемое в ходе работы умение классифицировать есть маркер «подобающего» знания сельского управленца. В условиях недостатка автономии и ресурсов моральное картографирование пространства помогает чиновникам в полной мере соответствовать приписываемой им роли «хозяина территории» и отстаивать этот статус. Таким образом, статья Захаровой располагается посередине описанного выше спектра социальных исследований бюрократии, представляя собой, с одной стороны, изучение рабочей повседневности чиновников, как в исследованиях профессий и организаций, а с другой — попытку учесть в рассуждениях конкретный социально-политический контекст и тем самым встроиться в область политической антропологии.

Завершает подборку статья Дмитрия Серебренникова, в которой анализируется рабочая практика сотрудников Единой дежурной диспетчерской службы (ЕДДС), отвечающих по известному в России номеру «112». Аккумулируя звонки по поводу экстренных ситуаций всех категорий, именно диспетчеры решают, куда и как направить полученное сообщение, т.е. раздают задачи другим ведомствам. В контексте исследований «бюрократии-у-экрана» (*screen-level bureaucracy*) работа Серебренникова контринтуитивна в самом вопросе: есть ли у диспетчеров, принимающих и передающих звонки, пространство для дискреции? Автор показывает, что даже в контексте жестких регламентов сотрудники службы «112» имеют определенный простор действий по своему усмотрению. Неформальные связи с другими службами — пожарными, полицией и скорой помощью — помогают быстрее передать запрос и проследить за урегулированием конкретных проблем. Это существенно расширяет дискрецию в той профессии, где на взгляд внешнего наблюдателя она невозможна.

Публикуемая подборка — первая попытка собрать вместе несколько разных во многих отношениях работ, располагающихся в междисциплинарном поле антропологического изучения бюрократии, и одновременно обозначить и проблематизировать само это поле в российских социальных исследованиях. Хочется верить, что эта попытка не станет последней.

Источники

Mao T. U.S. Imperialism Is a Paper Tiger [July 14, 1956] // Selected Works of Mao Tse-tung. Vol. 5. <https://www.marxists.org/reference/archive/mao/selected-works/volume-5/mswv5_52.htm>.

Mathur N. Bureaucracy // Stein F. (ed.). The Open Encyclopedia of Anthropology: Facsimile of the first edition of The Cambridge Encyclopedia of Anthropology. 2017. doi: 10.29164/17bureaucracy. <<https://www.anthroencyclopedia.com/entry/bureaucracy>>.

Библиография

Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). С. 14–58.

Байбурин А.К. Советский паспорт: история — структура — практики. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 486 с.

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. М.: ИД ВШЭ, 2019. Т. 4: Господство. 542 с.

Виноградский В.Г. «Орудия сильных»: инструментализм в двух поколениях провинциальных чиновников Саратовской области // Рогозин Д.М. (ред.). Российский чиновник: социологический анализ жизненного мира государственных и муниципальных служащих. М.: Ин-т социологии РАН, 2015. С. 251–290.

- Волков В. Государство, или Цена порядка. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. 160 с. (Азбука понятий. Вып. 6).
- Гаазе К.Б. Рукописное письмо как практика российской правительности // Социология власти. 2016. Т. 28. № 4. С. 104–131. doi: 10.22394/2074-0492-2016-4-104-131.
- Галиндабаева В. Моральная экономика, локальное сообщество и социальная служба в сельской местности // Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. (ред.). Профессии социального государства. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2013. С. 250–270.
- Галкин К.А. Когда работа не заканчивается. Профессиональные роли и отношение к помощи в нерабочее время у молодых сельских врачей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 179–191. doi: 10.14515/monitoring.2019.3.11.
- Гребер Д. Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 224 с.
- Гребер Д. Бредовая работа: трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. 440 с.
- Дуглас М. Как мыслят институты / Пер. с англ. А. Корбута. М.: Элементарные формы, 2020. 250 с.
- Ипатова А.А. «Они — не мы», или оправдание власти в языке и речи // Rogozin Д.М. (ред.). Российский чиновник: социологический анализ жизненного мира государственных и муниципальных служащих. М.: Ин-т социологии РАН, 2015. С. 66–87.
- Каспэ И.М. (ред.). Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство?: Сб. статей. М.: НЛО, 2013. 408 с.
- Куракин А.В. Карьерные траектории муниципальных служащих: два уровня чиновников — два типа карьерных лестниц (на примере одного района Новгородской области) // Rogozin Д.М. (ред.). Российский чиновник: социологический анализ жизненного мира государственных и муниципальных служащих. М.: Ин-т социологии РАН, 2015. С. 291–313.
- Мартыненко А.А. Чистота и порядок: представления сотрудников органов опеки // Антропологический форум. 2023. № 57. С. 40–60. doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-57-40-60.
- Моисеева Е.Н. Рабочие группы в судах Санкт-Петербурга // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 4. С. 86–100.
- Никулин А.М. Между государством и гражданами: особенности мировоззрения муниципальных служащих Архангельской области // Rogozin Д.М. (ред.). Российский чиновник: социологический анализ жизненного мира государственных и муниципальных служащих. М.: Ин-т социологии РАН, 2015. С. 228–250.
- Новиков К.Е. Архетипы российского служащего: шесть стилизованных интервью // Rogozin Д.М. (ред.). Российский чиновник: социологический анализ жизненного мира государственных и муниципальных служащих. М.: Ин-т социологии РАН, 2015а. С. 109–182.
- Новиков К.Е. Менталитет российского чиновничества // Rogozin Д.М. (ред.). Российский чиновник: социологический анализ жизненного мира государственных и муниципальных служащих. М.: Ин-т социологии РАН, 2015б. С. 88–108.

- Рогозин Д.М. От редактора // Рогозин Д.М. (ред.). Российский чиновник: социологический анализ жизненного мира государственных и муниципальных служащих. М.: Ин-т социологии РАН, 2015а. С. 5–10.
- Рогозин Д.М. Как возможна либерализация власти // Рогозин Д.М. (ред.). Российский чиновник: социологический анализ жизненного мира государственных и муниципальных служащих. М.: Ин-т социологии РАН, 2015б. С. 11–43.
- Рогозин Д.М. Диссолюция бюрократии как основа коррупции // Рогозин Д.М. (ред.). Российский чиновник: социологический анализ жизненного мира государственных и муниципальных служащих. М.: Ин-т социологии РАН, 2015в. С. 183–227.
- Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 416 с.
- Ходжаева Е.А. Реформа полиции в оценках и практиках низового состава МВД в г. Казани // Мансуров В.А. (ред.). Профессионалы в эпоху реформ: динамика идеологии, статуса и ценностей. М.: Ин-т социологии РАН, 2013. С. 131–144.
- Ходжаева Е.А. Контроль за психическим здоровьем как часть профессиональных обязанностей участковых уполномоченных МВД в России // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. №. 4. С. 595–610.
- Шмерлина И.А. Аутопойезис государственности: к теоретическому анализу феномена чиновничества // Рогозин Д.М. (ред.). Российский чиновник: социологический анализ жизненного мира государственных и муниципальных служащих. М.: Ин-т социологии РАН, 2015. С. 44–65.
- Allen S. An Ethnography of NGO Practice in India: Utopias of Development. Manchester: Manchester University Press, 2018. 192 p.
- Andreetta S. Granting “Human Dignity”: How Emotions and Professional Ethos Make Public Services // The Cambridge Journal of Anthropology. 2022. Vol. 40. No. 2. P. 36–53. doi: 10.3167/cja.2022.400204.
- Andreetta S., Enria L., Jarroux P., Verheul S. States of Feeling: Public Servants’ Affective and Emotional Entanglements in the Making of the State // The Cambridge Journal of Anthropology. 2022. Vol. 40. No. 2. P. 1–20. doi: 10.3167/cja.2022.400202.
- Aretxaga B. Maddening States // Annual Review of Anthropology. 2003. Vol. 32. P. 393–410. doi: 10.1146/annurev.anthro.32.061002.093341.
- Assor Y. “Objectivity” as a Bureaucratic Virtue: Cultivating Unemotionality in an Israeli Medical Committee // American Ethnologist. 2021. Vol. 48. No. 1. P. 105–119. doi: 10.1111/amet.12999.
- Bear L., Mathur N. Remaking the Public Good: A New Anthropology of Bureaucracy // The Cambridge Journal of Anthropology. 2015. Vol. 33. No. 1. P. 18–34. doi: 10.3167/ca.2015.330103.
- Bennis W.G. Leadership Theory and Administrative Behavior: The Problem of Authority // Administrative Science Quarterly. 1959. Vol. 4. No. 3. P. 259–301. doi: 10.2307/2390911.
- Berda Y. Colonial Bureaucracy and Contemporary Citizenship: Legacies of Race and Emergency in the Former British Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 280 p.

- Berg M., Bowker G.* The Multiple Bodies of the Medical Record: Toward a Sociology of an Artifact // *The Sociological Quarterly*. 1997. Vol. 38. No. 3. P. 513–537. doi: 10.1111/j.1533-8525.1997.tb00490.x.
- Bierschenk T., Olivier de Sardan J.-P.* How to Study Bureaucracies Ethnographically? // *Critique of Anthropology*. 2019. Vol. 39. No. 2. P. 243–257. doi: 10.1177/0308275X19842918.
- Blau P.M.* *Bureaucracy in Modern Society*. N.Y.: Random House, 1966. 127 p.
- Bogdanova E.* *Complaints to the Authorities in Russia: A Trap between Tradition and Legal Modernization*. L.; N.Y.: Routledge, 2021. 250 p.
- Brown M.K.* *Working the Street: Police Discretion and the Dilemmas of Reform*. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1981. XVI+374 p.
- Cooper A.* The Doctor's Political Body: Doctor–Patient Interactions and Sociopolitical Belonging in Venezuelan State Clinics // *American Ethnologist*. 2015. Vol. 42. No. 3. P. 459–474. doi: 10.1111/amet.12141.
- Drybread K.* Documents of Indiscipline and Indifference: The Violence of Bureaucracy in a Brazilian Juvenile Prison // *American Ethnologist*. 2016. Vol. 43. No. 3. P. 411–423. doi: 10.1111/amet.12335.
- du Gay P.* *In Praise of Bureaucracy: Weber, Organization, Ethics*. L.; Thousand Oaks, CA: Sage, 2000. X+159 p.
- du Gay P.* (ed.). *The Value of Bureaucracy*. Oxford: Oxford University Press, 2005. XIV+345 p.
- Ellison S.H.* *Domesticating Democracy: The Politics of Conflict Resolution in Bolivia*. Durham, NC: Duke University Press, 2018. XIV+281 p.
- Fassin D.* Can States be Moral? Preface to the English Edition // Fassin D. (ed.). *At the Heart of the State: The Moral World of Institutions*. L.: Pluto Press, 2015a. P. IX–XI.
- Fassin D.* Introduction: Governing Precarity // Fassin D. (ed.). *At the Heart of the State: The Moral World of Institutions*. L.: Pluto Press, 2015b. P. 1–11.
- Fechter A.-M.* Aid Work as a Moral Labour // *Critique of Anthropology*. 2016. Vol. 36. No. 3. P. 228–243. doi: 10.1177/0308275X16646837.
- Ferguson J.* The Country and the City on the Copperbelt // *Cultural Anthropology*. 1992. Vol. 7. No. 1. P. 80–92.
- Ferguson J.* *The Anti-Politics Machine: “Development”, Depoliticization and Bureaucratic Power in Lesotho*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1996. XVI+320 p.
- Goody J.* *The Logic of Writing and the Organization of Society*. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1986. XVII+213 p.
- Graeber D.* Dead Zones of the Imagination: On Violence, Bureaucracy and Interpretive Labor // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2012. Vol. 2. No. 2. P. 105–128. doi: 10.14318/hau2.2.007.
- Griffiths M.* Living with Uncertainty: Indefinite Immigration Detention // *Journal of Legal Anthropology*. 2013. Vol. 1. No. 3. P. 263–286. doi: 10.3167/jla.2013.010301.
- Gupta A.* *Red Tape: Bureaucracy, Structural Violence, and Poverty in India*. Durham, NC: Duke University Press, 2012. XVIII+368 p.

- Gupta A., Nugent D., Sreenath S.* State, Corruption, Postcoloniality: A Conversation with Akhil Gupta on the 20th Anniversary of “Blurred Boundaries” // *American Ethnologist*. 2015. Vol. 42. No. 4. P. 581–591. doi: 10.1111/amet.12157.
- Handelman D.* Introduction: The Idea of Bureaucratic Organization // *Social Analysis*. 1981. No. 9. P. 5–23.
- Hendriks T.D.* A State of Relief: Feelings, Affect and Emotions in Instantiating the Malawi State in Disaster Relief // *The Cambridge Journal of Anthropology*. 2022. Vol. 40. No. 2. P. 21–35. doi: 10.3167/cja.2022.400203.
- Hetherington K.* *Guerrilla Auditors: The Politics of Transparency in Neoliberal Paraguay*. Durham, NC: Duke University Press, 2011. XIV+296 p.
- Herzfeld M.* *The Social Production of Indifference: Exploring the Symbolic Roots of Western Bureaucracy*. Chicago, IL; L.: The University of Chicago Press, 1992. 209 p.
- Herzfeld M.* [A Review of] *Becoming Bureaucrats: Socialization at the Front Lines of Government Service*. Zachary W. Oberfield. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. 236 pp. // *American Ethnologist*. 2015. Vol. 42. No. 3. P. 536–537. doi: 10.1111/amet.2_12146.
- Heyman J.* Putting Power in the Anthropology of Bureaucracy: The Immigration and Naturalization Service at the Mexico — United States Border // *Current Anthropology*. 1995. Vol. 36. No. 2. P. 261–287. doi: 10.1086/204354.
- Heyman J.* Deepening the Anthropology of Bureaucracy // *Anthropological Quarterly*. 2012. Vol. 85. No. 4. P. 1269–1277. doi: 10.1353/anq.2012.0067.
- Hull M.S.* Documents and Bureaucracy // *Annual Review of Anthropology*. 2012a. Vol. 41. P. 251–267. doi: 10.1146/annurev.anthro.012809.104953.
- Hull M.S.* *Government of Paper: The Materiality of Bureaucracy in Urban Pakistan*. Berkeley, CA: University of California Press, 2012b. XIV+301 p.
- Jarroux P.* Fear at Work: Bureaucratic and Affective Encounters between Primary School Teachers and Their “Chiefs” in Postcolonial Benin // *The Cambridge Journal of Anthropology*. 2022. Vol. 40. No. 2. P. 72–87. doi: 10.3167/cja.2022.400206.
- John G.* Ways of Knowing: Freedom of Information, Access to Persons and “Flexible” Bureaucracy in Scotland // *The Cambridge Journal of Anthropology*. 2015. Vol. 33. No. 1. P. 65–80. doi: 10.3167/ca.2015.330106.
- Kafka B.* *The Demon of Writing: Powers and Failures of Paperwork*. N.Y.: Zone Books, 2012. 184 p.
- Kaufman H.* *The Forest Ranger: A Study in Administrative Behavior*. Baltimore, MD: Johns Hopkins Press, 1960. XVIII+259 p.
- Kjaerulff J.* Discretion and the Values of Fractal Man. An Anthropologist’s Perspective on “Street-Level Bureaucracy” // *European Journal of Social Work*. 2020. Vol. 23. No. 4. P. 634–644. doi: 10.1080/13691457.2018.1553150.
- Laszczkowski M., Reeves M.* Introduction: Affective States — Entanglements, Suspensions, Suspicions // *Social Analysis*. 2015. Vol. 59. No. 4. P. 1–14. doi: 10.3167/sa.2015.590401.

- Latour B.* Drawing Things Together // Lynch M., Woolgar S. (eds.). Representation in Scientific Practice. Cambridge, MA; L.: The MIT Press, 1990. P. 19–68.
- Lea T.* Desiring Bureaucracy // Annual Review of Anthropology. 2021. Vol. 50. P. 59–74. doi: 10.1146/annurev-anthro-101819-110147.
- Lipsky M.* Toward a Theory of Street-Level Bureaucracy. Madison, WI: Institute for Research on Poverty, University of Wisconsin, 1969. 46 p. (Institute for Research on Poverty Discussion Papers. No. 48).
- Lipsky M.* Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services. N.Y.: Russell Sage Foundation, 2010. XXIII+275 p.
- Mathur N.* Paper Tiger: Law, Bureaucracy and the Developmental State in Himalayan India. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 203 p.
- Maynard-Moody S., Portillo S.* Street-Level Bureaucracy Theory // Durant R.F. (ed.). The Oxford Handbook of American Bureaucracy. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 252–277. doi: 10.1093/oxfordhb/9780199238958.003.0011.
- Murphy M.* Sick Building Syndrome and the Politics of Uncertainty: Environmental Politics, Technoscience, and Women Workers. Durham, NC: Duke University Press, 2006. X+253 p.
- Navaro-Yashin Y.* Affective Spaces, Melancholic Objects: Ruination and the Production of Anthropological Knowledge // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2009. Vol. 15. No. 1. P. 1–18. doi: 10.1111/j.1467-9655.2008.01527.x.
- Nuijten M.* Power, Community and the State: The Political Anthropology of Organisation in Mexico. L.: Pluto Press, 2003. X+227 p.
- Olivier de Sardan J.-P.* Practical Norms: Informal Regulations within Public Bureaucracies (in Africa and Beyond) // De Herdt T., Olivier de Sardan J.-P. (eds.). Real Governance and Practical Norms in Sub-Saharan Africa: The Game of the Rules. L.: Routledge, 2015. P. 19–62. doi: 10.4324/9781315723365-2.
- Olsen J.P.* Maybe It Is Time to Rediscover Bureaucracy // Journal of Public Administration Research and Theory. 2006. Vol. 16. No. 1. P. 1–24. doi: 10.1093/jopart/mui027.
- Penz O., Sauer B., Gaitsch M., Hofbauer J., Glinsner B.* Post-Bureaucratic Encounters: Affective Labour in Public Employment Services // Critical Social Policy. 2017. Vol. 37. No. 4. P. 540–561. doi: 10.1177/0261018316681286.
- Protas J.M.* People Processing: The Street-Level Bureaucrat in Public Service Bureaucracies. Lexington, MA: Lexington Books, 1979. XII+179 p.
- Routray S.* Everyday State and Politics in India: Government in the Backyard in Kalahandi. L.; N.Y.: Routledge, 2017. XV+121 p.
- Stein H.* (ed.). Public Administration and Policy Development: A Case Book. N.Y.: Harcourt, Brace, and Company, 1952. XIV+860 p.
- Timmer A.D., Wirtz E.* (eds.). Gender, Power, and Non-Governance: Is Female to Male as NGO Is to State? N.Y.: Berghahn Books, 2022. IX+289 p.
- Weiss N., Gren N.* Mission Impossible? The Moral Discomfort among Swedish and Norwegian Welfare Bureaucrats Encountering Refugees // Nordisk Vålfärdsforskning / Nordic Welfare Research. 2021. Vol. 6. No. 3. P. 192–203. doi: 10.18261/issn.2464-4161-2021-03-06.

- Yang J.* “Officials’ Heartache”: Depression, Bureaucracy, and Therapeutic Governance in China // *Current Anthropology*. 2018. Vol. 59. No. 5. P. 596–615. doi: 10.1086/699860.
- Yang J.* Hidden Rules and the “Heartache” of Chinese Government Officials // *Made in China Journal*. 2019. Vol. 4. No. 1. P. 36–41. <<https://madein-chinajournal.com/2019/04/18/hidden-rules-and-the-heartache-of-chinese-government-officials/>>.
- Yang J.* “Bureaucratic *Shiyuzheng*”: Silence, Affect, and the Politics of Voice in China // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2021. Vol. 11. No. 3. P. 972–985. doi: 10.1086/717956.
- Yates J.* *Control through Communication: The Rise of System in American Management*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1989. XXII+339 p.
- Zacka B.* *When the State Meets the Street: Public Service and Moral Agency*. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 2017. XIV+338 p. doi: 10.4159/9780674981423.
- Zenker O.* De-Judicialization, Outsourced Review and All-Too-Flexible Bureaucracies in South African Land Restitution // *The Cambridge Journal of Anthropology*. 2015. Vol. 33. No. 1. P. 81–96. doi: 10.3167/ca.2015.330107.

On Leviathan’s Tail: Anthropological Studies of Bureaucracy and Bureaucrats

Aleksandra Zakharova

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
azakharova@eu.spb.ru

Alexandra Martynenko

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov Lane, St Petersburg, Russia
amartynenko@eu.spb.ru

This article precedes a selection of papers written as a result of the seminar on the anthropology of bureaucracy in modern Russia. The text offers a brief overview of the development of research into bureaucracy, where studies are mainly made in a polemic with Max Weber’s model of the “ideal” bureaucracy. It considers the most significant works that preceded the emergence of an interest in bureaucracy on the part of social scientists, written in the fields of political science and sociology and united by the method of participant observation. The authors pay attention to the difficulties in distinguishing the anthropology of bureaucracy as an independent field, which, on the one hand, is integrated into political anthropology

and on the other hand, tends towards the social studies of professions. The article suggests understanding the anthropology of bureaucracy primarily as a certain viewpoint focusing on how management is implemented and how the “state” is reproduced and felt within bureaucratic institutions. The authors distinguish several popular areas in the field of social research into bureaucracy: critical works analyzing primarily the structural violence of bureaucrats against citizens through client classifications, bureaucratic arbitrariness, etc.; works that focus on the moral and affective aspect of bureaucracy, including the moral dilemmas of employees and their feelings; works devoted to the material world of bureaucracy, where documents become important participants in social interaction; research on the experience of interaction with bureaucracy as a client. In addition, the article provides an overview of existing studies (mainly) of the street-level Russian bureaucracy, performed using anthropological methods within the boundaries of different disciplines.

Keywords: political anthropology, anthropology of bureaucracy, “street bureaucracy”, officials.

References

- Allen S., *An Ethnography of NGO Practice in India: Utopias of Development*. Manchester: Manchester University Press, 2018, 192 pp.
- Althusser L., ‘Idéologie et appareils idéologiques d’État: notes pour une recherche’, Althusser L., *Positions, 1964–1975*. Paris: Les Éditions sociales, 1976, pp. 67–125.
- Andreetta S., ‘Granting “Human Dignity”: How Emotions and Professional Ethos Make Public Services’, *The Cambridge Journal of Anthropology*, 2022, vol. 40, no. 2, pp. 36–53. doi: 10.3167/cja.2022.400204.
- Andreetta S., Enria L., Jarroux P., Verheul S., ‘States of Feeling: Public Servants’ Affective and Emotional Entanglements in the Making of the State’, *The Cambridge Journal of Anthropology*, 2022, vol. 40, no. 2, pp. 1–20. doi: 10.3167/cja.2022.400202.
- Aretxaga B., ‘Maddening States’, *Annual Review of Anthropology*, 2003, vol. 32, pp. 393–410. doi: 10.1146/annurev.anthro.32.061002.093341.
- Assor Y., ‘“Objectivity” as a Bureaucratic Virtue: Cultivating Unemotionality in an Israeli Medical Committee’, *American Ethnologist*, 2021, vol. 48, no. 1, pp. 105–119. doi: 10.1111/amet.12999.
- Baiburin A. K., *Sovetskiy passport: istoriya — struktura — praktiki* [The Soviet Passport: History — Structure — Practices]. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2017, 486 pp. (In Russian).
- Bear L., Mathur N., ‘Remaking the Public Good: A New Anthropology of Bureaucracy’, *The Cambridge Journal of Anthropology*, 2015, vol. 33, no. 1, pp. 18–34. doi: 10.3167/ca.2015.330103.
- Bennis W. G., ‘Leadership Theory and Administrative Behavior: The Problem of Authority’, *Administrative Science Quarterly*, 1959, vol. 4, no. 3, pp. 259–301. doi: 10.2307/2390911.

- Berda Y., *Colonial Bureaucracy and Contemporary Citizenship: Legacies of Race and Emergency in the Former British Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022, 280 pp.
- Berg M., Bowker G., 'The Multiple Bodies of the Medical Record: Toward a Sociology of an Artifact', *The Sociological Quarterly*, 1997, vol. 38, no. 3, pp. 513–537. doi: 10.1111/j.1533-8525.1997.tb00490.x.
- Bierschenk T., Olivier de Sardan J.-P., 'How to Study Bureaucracies Ethnographically?', *Critique of Anthropology*, 2019, vol. 39, no. 2, pp. 243–257. doi: 10.1177/0308275X19842918.
- Blau P. M., *Bureaucracy in Modern Society*. New York: Random House, 1966, 127 pp.
- Bogdanova E., *Complaints to the Authorities in Russia: A Trap between Tradition and Legal Modernization*. London; New York: Routledge, 2021, 250 pp.
- Brown M. K., *Working the Street: Police Discretion and the Dilemmas of Reform*. New York: Russell Sage Foundation, 1981, XVI+374 pp.
- Cooper A., 'The Doctor's Political Body: Doctor–Patient Interactions and Sociopolitical Belonging in Venezuelan State Clinics', *American Ethnologist*, 2015, vol. 42, no. 3, pp. 459–474. doi: 10.1111/amet.12141.
- Douglas M., *How Institutions Think*. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 1986, 158 pp.
- Drybread K., 'Documents of Indiscipline and Indifference: The Violence of Bureaucracy in a Brazilian Juvenile Prison', *American Ethnologist*, 2016, vol. 43, no. 3, pp. 411–423. doi: 10.1111/amet.12335.
- du Gay P., *In Praise of Bureaucracy: Weber, Organization, Ethics*. London; Thousand Oaks, CA: Sage, 2000, X+159 pp.
- du Gay P. (ed.), *The Value of Bureaucracy*. Oxford: Oxford University Press, 2005, XIV+345 pp.
- Ellison S. H., *Domesticating Democracy: The Politics of Conflict Resolution in Bolivia*. Durham, NC: Duke University Press, 2018. XIV+281 p.
- Fassin D., 'Can States be Moral? Preface to the English Edition', Fassin D. (ed.), *At the Heart of the State: The Moral World of Institutions*. London: Pluto Press, 2015, pp. IX–XI.
- Fassin D., 'Introduction: Governing Precarity', Fassin D. (ed.), *At the Heart of the State: The Moral World of Institutions*. London: Pluto Press, 2015. P. 1–11.
- Fechter A.-M., 'Aid Work as a Moral Labour', *Critique of Anthropology*, 2016, vol. 36, no. 3, pp. 228–243. doi: 10.1177/0308275X16646837.
- Ferguson J., 'The Country and the City on the Copperbelt', *Cultural Anthropology*, 1992, vol. 7, no. 1, pp. 80–92.
- Ferguson J., *The Anti-Politics Machine: "Development", Depoliticization and Bureaucratic Power in Lesotho*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1996, XVI+320 pp.
- Foucault M., *Surveiller et punir: naissance de la prison*. Paris: Gallimard, 1975, 318 pp.
- Gaaze K. B., 'Rukopisnoe pismo kak praktika rossiyskoy pravitel'nosti' [Handwriting as Practice of Russian Governmentality], *Sotsiologiya vlasti*, 2016, vol. 28, no. 4, pp. 104–131. doi: 10.22394/2074-0492-2016-4-104-131. (In Russian).

- Galindabaeva V., 'Moralnaya ekonomika, lokalnoe soobshchestvo i sotsialnaya sluzhba v selskoy mestnosti' [Moral Economy, Local Community and Social Services in Rural Area], Romanov P., Iarskaia-Smirnova E. (eds.), *Professii sotsialnogo gosudarstva* [Social Workers Professions of the Welfare State]. Moscow: Variant, GSPGS, 2013, pp. 250–270. (In Russian).
- Galkin K. A., 'Kogda rabota ne zakanchivaetsya. Professionalnye roli i otnoshenie k pomoshchi v nerabochee vremya u molodykh selskikh vrachey' [When Work Never Ends. Professional Roles and Attitudes of Young Rural Doctors to Patient Care in the Off-Hours], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, 2019, no. 3, pp. 179–191. doi: 10.14515/monitoring.2019.3.11. (In Russian).
- Goody J., *The Logic of Writing and the Organization of Society*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1986, XVII+213 pp.
- Graeber D., 'Dead Zones of the Imagination: On Violence, Bureaucracy and Interpretive Labor', *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 2012, vol. 2, no. 2, pp. 105–128. doi: 10.14318/hau2.2.007.
- Graeber D., *The Utopia of Rules: On Technology, Stupidity, and the Secret Joys of Bureaucracy*. New York: Melville House, 2015, 261 pp.
- Graeber D., *Bullshit Jobs: A Theory*. New York: Simon & Schuster, 2018, 368 pp.
- Griffiths M., 'Living with Uncertainty: Indefinite Immigration Detention', *Journal of Legal Anthropology*, 2013, vol. 1, no. 3, pp. 263–286. doi: 10.3167/jla.2013.010301.
- Gupta A., *Red Tape: Bureaucracy, Structural Violence, and Poverty in India*. Durham, NC: Duke University Press, 2012, XVIII+368 pp.
- Gupta A., Nugent D., Sreenath S., 'State, Corruption, Postcoloniality: A Conversation with Akhil Gupta on the 20th Anniversary of "Blurred Boundaries"', *American Ethnologist*, 2015, vol. 42, no. 4, pp. 581–591. doi: 10.1111/amet.12157.
- Handelman D., 'Introduction: The Idea of Bureaucratic Organization', *Social Analysis*, 1981, no. 9, pp. 5–23.
- Hendriks T. D., 'A State of Relief: Feelings, Affect and Emotions in Instantiating the Malawi State in Disaster Relief', *The Cambridge Journal of Anthropology*, 2022, vol. 40, no. 2, pp. 21–35. doi: 10.3167/cja.2022.400203.
- Hetherington K., *Guerrilla Auditors: The Politics of Transparency in Neoliberal Paraguay*. Durham, NC: Duke University Press, 2011, XIV+296 pp.
- Herzfeld M., *The Social Production of Indifference: Exploring the Symbolic Roots of Western Bureaucracy*. Chicago, IL; London: The University of Chicago Press, 1992, 209 pp.
- Herzfeld M., '[A Review of] Becoming Bureaucrats: Socialization at the Front Lines of Government Service. Zachary W. Oberfield. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. 236 pp.', *American Ethnologist*, 2015, vol. 42, no. 3, pp. 536–537. doi: 10.1111/amet.2_12146.
- Heyman J., 'Putting Power in the Anthropology of Bureaucracy: The Immigration and Naturalization Service at the Mexico — United States Border', *Current Anthropology*, 1995, vol. 36, no. 2, pp. 261–287. doi: 10.1086/204354.

- Heyman J., 'Deepening the Anthropology of Bureaucracy', *Anthropological Quarterly*, 2012, vol. 85, no. 4, pp. 1269–1277. doi: 10.1353/anq.2012.0067.
- Hull M. S., 'Documents and Bureaucracy', *Annual Review of Anthropology*, 2012, vol. 41, pp. 251–267. doi: 10.1146/annurev.anthro.012809.104953.
- Hull M. S., *Government of Paper: The Materiality of Bureaucracy in Urban Pakistan*. Berkeley, CA: University of California Press, 2012, XIV+301 pp.
- Ipatova A. A., "Oni — ne my", ili opravdanie vlasti v yazyke i rechi' ["They Are Not Us", or, The Justification of Power in Language and Speech], Rogozin D. M. (ed.), *Rossiyskiy chinovnik: sotsiologicheskii analiz zhiznennogo mira gosudarstvennykh i munitsipalnykh sluzhashchikh* [A Russian Bureaucrat: A Sociological Analysis of the Lifeworld of the State and Municipal Civil Servants]. Moscow: Institute of Sociology RAS Press, 2015, pp. 66–87. (In Russian).
- Jarroux P., 'Fear at Work: Bureaucratic and Affective Encounters between Primary School Teachers and Their "Chiefs" in Postcolonial Benin', *The Cambridge Journal of Anthropology*, 2022, vol. 40, no. 2, pp. 72–87. doi: 10.3167/cja.2022.400206.
- John G., 'Ways of Knowing: Freedom of Information, Access to Persons and "Flexible" Bureaucracy in Scotland', *The Cambridge Journal of Anthropology*, 2015, vol. 33, no. 1, pp. 65–80. doi: 10.3167/ca.2015.330106.
- Kafka B., *The Demon of Writing: Powers and Failures of Paperwork*. New York: Zone Books, 2012, 184 pp.
- Kaspe I. M. (ed.), *Status dokumenta: okonchatelnaya bumazhka ili otchuzhdennoe svidetelstvo?* [The Status of the Document: The Final Piece of Paper or Alienated Evidence?]: A coll. of articles. Moscow: NLO, 2013, 408 pp. (In Russian).
- Kaufman H., *The Forest Ranger: A Study in Administrative Behavior*. Baltimore, MD: Johns Hopkins Press, 1960, XVIII+259 pp.
- Khodzhaeva E. A., 'Reforma politzii v otsenkakh i praktikakh nizovogo sostava MVD v g. Kazani' [Police Reform in Assessments and Practices of the Grassroots Staff of the Ministry of Internal Affairs in Kazan], Mansurov V. A. (ed.), *Professionalny v epokhu reform: dinamika ideologii, statusa i tsennostey* [Professionals in the Era of Reforms: Dynamics of Ideology, Status and Values]. Moscow: Institute of Sociology RAS Press, 2013, pp. 131–144. (In Russian).
- Khodzhaeva E. A., 'Kontrol za psikhicheskim nezdoroviyem kak chast professionalnykh obyazannostey uchastkovykh upolnomochennykh MVD v Rossii' [Control over Mental Illness as Part of the Professional Duties of the District Commissioners of the Ministry of Internal Affairs in Russia], *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki*, 2015, vol. 13, no. 4, pp. 595–610. (In Russian).
- Kjaerulf J., 'Discretion and the Values of Fractal Man. An Anthropologist's Perspective on "Street-Level Bureaucracy"', *European Journal of Social Work*, 2020, vol. 23, no. 4, pp. 634–644. doi: 10.1080/13691457.2018.153150.
- Kurakin A. V., 'Karyernye traektorii munitsipalnykh sluzhashchikh: dva urovnya chinovnikov — dva tipa karyernykh lestnits (na primere odnogo rayona Novgorodskoy oblasti)' [Career Trajectories of Municipal Employees: two levels of bureaucrats — two types of career ladders (on the example of one district of Novgorod region)]

- Two Levels of Officials — Two Types of Career Ladders (On the Example of One District of the Novgorod Region)], Rogozin D. M. (ed.), *Rossiyskiy chinovnik: sotsiologicheskii analiz zhiznennogo mira gosudarstvennykh i munitsipalnykh sluzhashchikh* [A Russian Bureaucrat: A Sociological Analysis of the Lifeworld of the State and Municipal Civil Servants]. Moscow: Institute of Sociology RAS Press, 2015, pp. 291–313. (In Russian).
- Laszczkowski M., Reeves M., 'Introduction: Affective States — Entanglements, Suspensions, Suspicions', *Social Analysis*, 2015, vol. 59, no. 4, pp. 1–14. doi: 10.3167/sa.2015.590401.
- Latur B., 'Drawing Things Together', Lynch M., Woolgar S. (eds.), *Representation in Scientific Practice*. Cambridge, MA; London: The MIT Press, 1990, pp. 19–68.
- Lea T., 'Desiring Bureaucracy', *Annual Review of Anthropology*, 2021, vol. 50, pp. 59–74. doi: 10.1146/annurev-anthro-101819-110147.
- Lipsky M., *Toward a Theory of Street-Level Bureaucracy*. Madison, WI: Institute for Research on Poverty, University of Wisconsin, 1969, 46 pp. (Institute for Research on Poverty Discussion Papers, no. 48).
- Lipsky M., *Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services*. New York: Russell Sage Foundation, 2010, XXIII+275 pp.
- Martynenko A., 'Chistota i poryadok: predstavleniya sotrudnikov organov opeki' [Purity and Order: The Perspective of Child Protection Services], *Antropologicheskij forum*, 2023, no. 57, pp. 40–60. doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-57-40-60. (In Russian).
- Mathur N., *Paper Tiger: Law, Bureaucracy and the Developmental State in Himalayan India*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015, 203 pp.
- Maynard-Moody S., Portillo S., 'Street-Level Bureaucracy Theory', Durant R.F. (ed.), *The Oxford Handbook of American Bureaucracy*. Oxford: Oxford University Press, 2010, pp. 252–277. doi: 10.1093/oxford/hb/9780199238958.003.0011.
- Moiseeva E. N., 'Rabochie gruppy v sudakh Sankt-Peterburga' [Working Groups in the Courts of St Petersburg], *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2014, vol. 17, no. 4, pp. 86–100. (In Russian).
- Murphy M., *Sick Building Syndrome and the Politics of Uncertainty: Environmental Politics, Technoscience, and Women Workers*. Durham, NC: Duke University Press, 2006, X+253 pp.
- Navaro-Yashin Y., 'Affective Spaces, Melancholic Objects: Ruination and the Production of Anthropological Knowledge', *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2009, vol. 15, no. 1, pp. 1–18. doi: 10.1111/j.1467-9655.2008.01527.x.
- Nikulin A. M., 'Mezhdru gosudarstvom i grazhdanami: osobennosti mirovozzreniya munitsipalnykh sluzhashchikh Arkhangel'skoy oblasti' [Between the State and Citizens: Features of the Worldview of Municipal Employees of the Arkhangelsk Region], Rogozin D. M. (ed.), *Rossiyskiy chinovnik: sotsiologicheskii analiz zhiznennogo mira gosudarstvennykh i munitsipalnykh sluzhashchikh* [A Russian Bureaucrat: A Sociological Analysis of the Lifeworld of the State and Municipal Civil Servants]. Moscow: Institute of Sociology RAS Press, 2015, pp. 228–250. (In Russian).

- Novikov K. E., 'Arkhetipy rossiyskogo sluzhashchego: shest stilizovannykh intervyyu' [Archetypes of the Russian Employee: Six Stylized Interviews], Rogozin D. M. (ed.), *Rossiyskiy chinovnik: sotsiologicheskii analiz zhiznennogo mira gosudarstvennykh i munitsipalnykh sluzhashchikh* [A Russian Bureaucrat: A Sociological Analysis of the Lifeworld of the State and Municipal Civil Servants]. Moscow: Institute of Sociology RAS Press, 2015, pp. 109–182. (In Russian).
- Novikov K. E., 'Mentalitet rossiyskogo chinovnichestva' [The Mentality of Russian Officialdom], Rogozin D. M. (ed.), *Rossiyskiy chinovnik: sotsiologicheskii analiz zhiznennogo mira gosudarstvennykh i munitsipalnykh sluzhashchikh* [A Russian Bureaucrat: A Sociological Analysis of the Lifeworld of the State and Municipal Civil Servants]. Moscow: Institute of Sociology RAS Press, 2015, pp. 88–108. (In Russian).
- Nuijten M., *Power, Community and the State: The Political Anthropology of Organisation in Mexico*. London: Pluto Press, 2003, X+227 pp.
- Olivier de Sardan J.-P., 'Practical Norms: Informal Regulations within Public Bureaucracies (in Africa and Beyond)', De Herdt T., Olivier de Sardan J.-P. (eds.), *Real Governance and Practical Norms in Sub-Saharan Africa: The Game of the Rules*. London: Routledge, 2015, pp. 19–62. doi: 10.4324/9781315723365-2.
- Olsen J. P., 'Maybe It Is Time to Rediscover Bureaucracy', *Journal of Public Administration Research and Theory*, 2006, vol. 16, no. 1, pp. 1–24. doi: 10.1093/jpart/mui027.
- Penz O., Sauer B., Gaitsch M., Hofbauer J., Glinsner B., 'Post-Bureaucratic Encounters: Affective Labour in Public Employment Services', *Critical Social Policy*, 2017, vol. 37, no. 4, pp. 540–561. doi: 10.1177/0261018316681286.
- Prottas J. M., *People Processing: The Street-Level Bureaucrat in Public Service Bureaucracies*. Lexington, MA: Lexington Books, 1979, XII+179 pp.
- Rogozin D. M., 'Ot redaktora' [From the Editor], Rogozin D. M. (ed.), *Rossiyskiy chinovnik: sotsiologicheskii analiz zhiznennogo mira gosudarstvennykh i munitsipalnykh sluzhashchikh* [A Russian Bureaucrat: A Sociological Analysis of the Lifeworld of the State and Municipal Civil Servants]. Moscow: Institute of Sociology RAS Press, 2015, pp. 5–10. (In Russian).
- Rogozin D. M., 'Kak vozmozhna liberalizatsiya vlasti' [How Is the Liberalization of Power Possible], Rogozin D. M. (ed.), *Rossiyskiy chinovnik: sotsiologicheskii analiz zhiznennogo mira gosudarstvennykh i munitsipalnykh sluzhashchikh* [A Russian Bureaucrat: A Sociological Analysis of the Lifeworld of the State and Municipal Civil Servants]. Moscow: Institute of Sociology RAS Press, 2015, pp. 11–43. (In Russian).
- Rogozin D. M., 'Dissolyutsiya byurokratii kak osnova korrupsiyi' [Dissolution of Bureaucracy as the Basis of Corruption], Rogozin D. M. (ed.), *Rossiyskiy chinovnik: sotsiologicheskii analiz zhiznennogo mira gosudarstvennykh i munitsipalnykh sluzhashchikh* [A Russian Bureaucrat: A Sociological Analysis of the Lifeworld of the State and Municipal Civil Servants]. Moscow: Institute of Sociology RAS Press, 2015, pp. 183–227. (In Russian).
- Routray S., *Everyday State and Politics in India: Government in the Backyard in Kalahandi*. London; New York: Routledge, 2017, XV+121 pp.

- Shmerlina I. A., 'Autopoyezis gosudarstvennosti: k teoreticheskomu analizu fenomena chinovnichestva' [Autopoiesis of Statehood: Towards a Theoretical Analysis of the Phenomenon of Officialdom], Rogozin D. M. (ed.), *Rossiyskiy chinovnik: sotsiologicheskii analiz zhiznennogo mira gosudarstvennykh i munitsipalnykh sluzhashchikh* [A Russian Bureaucrat: A Sociological Analysis of the Lifeworld of the State and Municipal Civil Servants]. Moscow: Institute of Sociology RAS Press, 2015, pp. 44–65. (In Russian).
- Stein H. (ed.), *Public Administration and Policy Development: A Case Book*. New York: Harcourt, Brace, and Company, 1952, XIV+860 pp.
- Timmer A. D., Wirtz E. (eds.), *Gender, Power, and Non-Governance: Is Female to Male as NGO Is to State?* New York: Berghahn Books, 2022, IX+289 pp.
- Vinogradskiy V. G., "Orudiya silnykh": instrumentalizm v dvukh pokoleniyakh provintsialnykh chinovnikov Saratovskoy oblasti' ["Weapons of the Strong": Instrumentalism in Two Generations of Provincial Officials of the Saratov Region], Rogozin D. M. (ed.), *Rossiyskiy chinovnik: sotsiologicheskii analiz zhiznennogo mira gosudarstvennykh i munitsipalnykh sluzhashchikh* [A Russian Bureaucrat: A Sociological Analysis of the Lifeworld of the State and Municipal Civil Servants]. Moscow: Institute of Sociology RAS Press, 2015, pp. 251–290. (In Russian).
- Volkov V., *Gosudarstvo, ili Tsena poryadka* [State: The Price of Order]. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2018, 160 pp. (Series "ABC of Concepts", no. 6). (In Russian).
- Weber M., *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie*. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1972, XXXIII+945 SS.
- Weiss N., Gren N., 'Mission Impossible? The Moral Discomfort among Swedish and Norwegian Welfare Bureaucrats Encountering Refugees', *Nordisk Valfärdsvetenskap / Nordic Welfare Research*, 2021, vol. 6, no. 3, pp. 192–203. doi: 10.18261/issn.2464-4161-2021-03-06.
- Yang J., "'Officials' Heartache": Depression, Bureaucracy, and Therapeutic Governance in China', *Current Anthropology*, 2018, vol. 59, no. 5, pp. 596–615. doi: 10.1086/699860.
- Yang J., 'Hidden Rules and the "Heartache" of Chinese Government Officials', *Made in China Journal*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 36–41. <<https://madeinchinajournal.com/2019/04/18/hidden-rules-and-the-heartache-of-chinese-government-officials/>>.
- Yang J., "'Bureaucratic Shiyuzheng": Silence, Affect, and the Politics of Voice in China', *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 972–985. doi: 10.1086/717956.
- Yates J., *Control through Communication: The Rise of System in American Management*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1989, XXII+339 pp.
- Zacka B., *When the State Meets the Street: Public Service and Moral Agency*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2017, XIV+338 pp. doi: 10.4159/9780674981423.
- Zenker O., 'De-Judicialization, Outsourced Review and All-Too-Flexible Bureaucracies in South African Land Restitution', *The Cambridge Journal of Anthropology*, 2015, vol. 33, no. 1, pp. 81–96. doi: 10.3167/ca.2015.330107.